

Алан Мур Джейсен Берроус

Провиденс

TM

#8

Провиденс

сюжет АЛАН МУР
рисунок ДЖЕЙСЕН БЕРОУС
цвет ХУАН РОДРИГЕС
каллиграфия КУРТ ХАТУЭЙ
странное бульварное чтение
карандаши ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС
цвет МАЙКАЛ ДИПАСКАЛЕ
все другие обложки
ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС

Уильям Кристенсен главный редактор
Марк Сейферт творческий директор
Джим Кухориц ответственный редактор
Дэвид Маркс директор по маркетингу
Ариана Осборн помощник редактора

перевод СЕРГЕЙ КАРПОВ
оформление INSECT BUDDHA,
МАКС ЛОМКИН, АНОНИМ
проекты Real Deal Team Comics,
Katabasia

www.avatarpress.com [twitter @avatarpress](https://twitter.com/avatarpress)
facebook.com/avatarpresscomics

 AVATAR

«...ИСКРЕННЕ НАДЕЮСЬ,
МОЯ РУКОПИСЬ О ПОЛЗУЩЕМ
В ОБЛАКАХ НЕ ЛИШИЛА ВАС СНА
НА ВСЮ НОЧЬ, МИСТЕР БЛЭК».

«ЗАБАВНО,
НО УОЛЛЕС ТИЛЛИНГАСТ,
ПРЕДЛОЖИВШИЙ ИДЕЮ, -
КУЗЕН МОЛОДОГО
ГЕНРИ ЭННСЛИ: ОДНОГО
ИЗ *STELLA SAPIENTE*,
КОТОРЫМИ ВЫ
ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ».

«В 1909-М ТИЛЛИНГАСТ ОБЪЯВИЛ,
ЧТО СОВЕРШИТ ПЕРЕЛЕТ В НЬЮ-ЙОРК И ОБРАТНО
НА «СЕКРЕТНОМ САМОЛЕТЕ».

«В СЕНТЯБРЕ СООБЩАЛИ О СВЕТЯЩЕМСЯ ОБЪЕКТЕ В НЕБЕ
НАД НОВОЙ АНГЛИЕЙ С СОПРОВОЖДАЮЩИМ ЕГО РЫКОМ МОТОРА».

«БОЛТОВНЮ ТИЛЛИНГАСТА ПРИНЯЛИ ЗА *РОЗЫГРЫШ*.
ТАК ЧТО ЕМУ НЕ ВЕРИЛИ, ДАЖЕ КОГДА ПЕРЕД САМЫМ
РОЖДЕСТВОМ ВОЗДУШНЫЕ ОГНИ ПОКАЗАЛИСЬ
НАД БОСТОНОМ И ЕГО РОДНЫМ *ВУСТЕРОМ*».

«САМОЕ ГЛАВНОЕ,
В ОДНОМ СЛУЧАЕ ЕГО
САМОГО В ЭТО ВРЕМЯ
ВИДЕЛИ У СЕБЯ ДОМА».

«МНЕ ЖЕ ОН
НАСТАИВАЛ, ЧТО
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО
СОЗДАЛ ТЕ ОГНИ,
НО С ПОМОЩЬЮ
СНА».

«ПРИМЕНЯЯ ТЕХНИКИ, ПОДЧЕРПНУТЫЕ У КУЗЕНА И ОСОБЕННО СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИЕ
В ЗИМНИЙ ФЕСТИВАЛЬ, ОН АСТРАЛЬНЫМ ОБРАЗОМ ПРОВЕЛ СИЯЮЩЕЕ ЧУДОВИЩЕ ЧЕРЕЗ НЕБЕСА».

«ВЫДУМКА ИЛИ НЕТ,
НО ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ И
НЕОБЫКНОВЕННЫЕ СЛОВА
ТИЛЛИНГАСТА И ЛЕГЛИ
В ОСНОВУ МОЕГО
РАССКАЗА «ПОЛЗУЩИЙ
В ОБЛАКАХ»...»

... ТАК ЧТО, ПОЖАЛУЙ,
ОБО *ВСЕХ* МОИХ ТЕКСТАХ
МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО ИХ ВДОХНОВИЛИ
ЛИБО СНЫ, ЛИБО ИЛЛЮЗИИ, ПУСТЬ ДАЖЕ
ОНИ ПРИНАДЛЕЖАТ *ДРУГИМ*.

ХА-ХА! РЭНДАЛЛ,
Я ТОЛЬКО ЧТО ПОНЯЛ:
ТЫ НАСТОЯЩИЙ
МАССАЧУСЕТСКИЙ
ДЕКАДЕНТ!

СКАЖИ МНЕ,
ТЫ СЧИТАЕШЬ, ЧТО СНЫ
ВАЖНЫ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ
ВСЕЙ *ФИЛОСОФИИ*
STELLA SAPIENTE?

О, Я
В ЭТОМ
УВЕРЕН.

СНЫ, ТЕКСТЫ И НАШИ
ПОТУСТОРОННИЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
ФАНТАЗИИ...

ОНИ В СЕРДЦЕ
ВСЕГО.

VIII: КЛЮЧ

ХМ. ЧТО Ж, ПОЛАГАЮ, МЕНЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЕЛИ ТЕКСТЫ - И «SOUS LE MONDE», И «КОРОЛЬ В ЖЕЛТОМ» ЧАМБЕРСА, И «КНИГА ХАЛИ».

А ТЕПЕРЬ ЭТА ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ПУБЛИКАЦИЯ, КОТОРУЮ ТЫ ОДОЛЖИЛ. Я И НЕ ЗНАЛ, ЧТО ПОДОБНОЕ СУЩЕСТВУЕТ. ОДИН ИЗ РАССКАЗОВ ПОРАЗИЛ МЕНЯ ДО ГЛУБИНЫ ДУШИ...

ПОЗВОЛЬ УГАДАЮ...

«ЗА СТЕНОЙ СНА»?

А, ЗНАЧИТ, ТЫ ТОЖЕ ЕГО ОТМЕТИЛ? ОН ЗАЦЕПИЛ МЕНЯ С ПЕРВОГО ЖЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ...

ИЗРЯДНО НАПИСАНО! «ТИТАНИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СНОВ И ТАИНСТВЕННЫЙ МИР, КОТОРОМУ ОНИ ПРИНАДЛЕЖАТ».

ЛИЧНО МНЕ БОЛЬШЕ ПОНРАВИЛИСЬ ССЫЛКИ НА АСТРОНОМИЮ, НАПРИМЕР АЛГОЛЬ.

НАСКОЛЬКО ПОМНЮ, У АВТОРА НЕОБЫЧНОЕ ИМЯ. ЛАВЛЕДИ?

НЕТ, «КРАФТ». Г. Ф. ЛАВКРАФТ. ЕМУ НЕДОСТАЕТ ТВОИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ НАВЫКОВ, НО КАК ЖЕ СИЛЬНЫ ИДЕИ.

РЭНДАЛЛ, МНОГО ЛИ СУЩЕСТВУЕТ ТАКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛЬЧИКОВ, КАК PINE CONES?

НУ, В НИХ И УВИДЕЛИ СВЕТ БОЛЬШИНСТВО МОИХ СОБСТВЕННЫХ ТВОРЕНИЙ.

ПОВЕРЬ, ЭТИ ХЛИПКИЕ БРОШЮРКИ ДАЮТ РЕДКУЮ ОТРАДУ НА ПРОТЯЖЕНИИ НЕЗАВИДНОЙ КАРЬЕРЫ.

НЕЗАВИДНАЯ? РЭНДАЛЛ, ПОСЛЕ НЕДЕЛЬ НАШЕГО ОБЩЕНИЯ У МЕНЯ ЯЗЫК НЕ ПОВЕРНЕТСЯ ТАК СКАЗАТЬ.

БУДЬ У МЕНЯ ТВОЙ ОПЫТ ИЛИ ПИШИ Я ТАКИЕ РАССКАЗЫ...

...ТО БЫЛ БЫ ТЫ ЧЕРСТВЫМ ПОЗЕРОМ СОРОКА ШЕСТИ ЛЕТ, КАК Я.

МОЮ ЖИЗНЬ НИКАК НЕ НАЗОВЕШЬ НАСЫЩЕННОЙ. БОЛЬШИНСТВО ДОСТИЖЕНИЙ В НЕЙ ЦЕЛИКОМ **ВООБРАЖАЕМЫЕ...**

НУ, МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ОТНОСИТСЯ К ТВОЕМУ ТВОРЧЕСТВУ И РАБОТЕ СО СНАМИ, НО Я ГОВОРЮ О ЛИЧНОЙ ИСТОРИИ...

А УЖ ЭТО САМАЯ ПРИУКРАШЕННАЯ ФАНТАЗИЯ ИЗ ВСЕХ.

РОДИЛСЯ Я В ЗНАТНОЙ СЕМЬЕ В БОСТОНЕ - МЕСТО РОЖДЕНИЯ «БЕДНОГО ЭДДИ» ПО, ЧЕГО ЖЕ ЕЩЕ ОЖИДАТЬ.

РАНО ОСИРОТЕЛ И РОС ПОД МАНЧЕСТЕРОМ - КАК Я ПОНЯЛ, ТЫ ЕГО ПОСЕЩАЛ.

Э-э... А-ДА. МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О НЕМ НАВЕРНЯКА МЕНЕЕ ИДИЛЛИЧЕСКИЕ, НЕЖЕЛИ ТВОИ.

ВСЬМА ВЕРЯТНО.

ДЕТСТВО НА ФЕРМЕ С ТЕТУШКОЙ, ДЯДЮШКОЙ И ИХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ СЛУГОЙ ЭЛАЙДЖЕЙ - ПОЖАЛУЙ, ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В МОЕЙ ЖИЗНИ, КОГДА Я БЫЛ ПОИСТИНЕ СЧАСТЛИВ.

НЕУДИВИТЕЛЬНО, НО ЭТА СТРАНА ФАНТАЗИИ ДЛЯ МЕНЯ НЕДОСТИЖИМА.

ЗНАЧИТ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ СО СНАМИ СТАЛИ ДЛЯ ТЕБЯ УТЕШЕНИЕМ ИЗ-ЗА УШЕДШЕГО ДЕТСТВА?

ПОЖАЛУЙ, ЧТО ТАК.

ОНИ НАЧАЛИСЬ, КОГДА Я ВЕРНУЛСЯ ПОСЛЕ ВЫПУСКА В БОСТОН И ЖИЛ НА НАСЛЕДСТВО. ТО БЫЛИ «ЖЕЛТЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ» - КАЗАЛОСЬ, ЧТО ВОЗМОЖНО ВСЕ.

ИХ КУЛЬМИНАЦИЕЙ В 1898 ГОДУ СТАЛА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНАЯ ЭКСКУРСИЯ ПО НЕИЗМЕННОМУ ГЕОГРАФИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ...

В КАКОМ СМЫСЛЕ?

В ТОМ, ЧТО МОЙ МИР СНОВ БЫЛ НАСТОЯЩИМ КОНТИНЕНТОМ - С ГОРАМИ, ГОРОДАМИ И СКАЗОЧНЫМИ ОБИТАТЕЛЯМИ.

ПОСЛЕ ЭТОГО МОИ СПОСОБНОСТИ ПОБЛЕКЛИ. К ТВОЕМУ ВОЗРАСТУ Я УЖЕ НЕ МОГ ДОСТИЧЬ ЭТИХ ДАЛЕКИХ ЭФИРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.

ВЗАМЕН Я НАЧАЛ ЗАИГРЫВАТЬ С РЕЛИГИЕЙ И РАЗЛИЧНЫМИ ЛИТЕРАТУРНЫМИ СТИЛЯМИ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ УЙТИ В МОДНЫЙ ТОГДА ОККУЛЬТИЗМ.

ТОГДА ТЫ И УЗНАЛ
О STELLA SAPIENTE И
УВИДЕЛ «КНИГУ ХАЛИ»?

ДА... ХОТЯ,
ОЗНАКОМИВШИСЬ
ЛИШЬ С ЗАШИФРОВАННЫМИ СТРАНИЦАМИ,
О КОТОРЫХ ТЫ
УПОМЯНУЛ, Я НЕ ЗНАЛ
ЕЕ НАЗВАНИЯ.

МОЙ КОЛЛЕГА
ХАРВИ УОРНЕР, КОТОРОМУ
ОНА ПРИНАДЛЕЖАЛА, ЗНАЛ
О STELLA SAPIENTE.

КНИГА ПРОПАЛА
ВМЕСТЕ С НИМ ИЗ-ЗА
НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ
НА ФЛОРИДСКОМ
КЛАДБИЩЕ - Я ЕГО
УЖЕ УПОМИНАЛ...

БОЖЕ, ДА,
С РАДИОТЕЛЕФОНОМ
И ГОЛОСОМ, КОТОРЫЙ
СКАЗАЛ, ЧТО ОН МЕРТВ.
НЕУЖЕЛИ ЭТОТ СЛУЧАЙ
НЕ БЫЛ ВООБРАЖАЕМЫМ?

ЧТО Ж,
БЕЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЭТО
И ПРАВДА КАЖЕТСЯ ПЛОТЬ
ОТ ПЛОТИ СНОМ. ВОЗМОЖНО,
ТРАНС - КАК СЛУЧАИ,
КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ
С ТОБОЙ.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД,
НЕ ЗНАЮ ДАЖЕ, ВДРУГ
ОБА МОИХ ОККУЛЬТНЫХ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЫЛИ ЛИШЬ
ГАЛЛЮЦИНАЦИЯМИ.

ОБА?
А ЧТО ЗА
ВТОРОЕ?

О, ОНО ИМЕЛО МЕСТО,
КОГДА Я ВЕРНУЛСЯ
В МАНЧЕСТЕР С ОДИМ
ЗНАКОМЫМ УЧИТЕЛЕМ.

СТРАННО,
НО ЭТО СЛУЧИЛОСЬ
НА ОЧЕРЕДНОМ КЛАДБИЩЕ.
ОН КАК РАЗ ПОРИЦАЛ МОЮ
СКЛОННОСТЬ ПИСАТЬ
О «НЕОПИСУЕМЫХ»
УЖАСАХ.

И ТУТ...
ПРОИЗОШЛО НЕЧТО,
ЧЕГО Я НЕ ПОМНЮ, А ОН,
КАК ЭТО НИ ИРОНИЧНО,
НЕ СМОГ ОПИСАТЬ.
ПОЗЖЕ ОН ПОКОНЧИЛ
С СОБОЙ.

ЭТО...
ЭТО УЖАСНО.
ОДИН МОЙ ДРУГ
ПОГИБ ТАК ЖЕ...

МОИ
СОБОЛЕЗНОВАНИЯ,
ХОТЯ СОМНЕВАЮСЬ,
ЧТО ТЕБЯ ТЕРЗАЛО
ТО ЖЕ ЧУВСТВО ВИНЬ.
Я ЖЕ ЗНАЛ ИЗ СЕМЕЙНЫХ
ДОКУМЕНТОВ, ЧТО
ЭТО МЕСТО БЫЛО
ОПАСНЫМ.

НА ЭТОМ
МОЙ ДИАВОЛИЗМ И
ЗАКОНЧИЛСЯ. ДАЛЬШЕ Я
ПЕРЕШЕЛ К ДЕКАДАНСУ,
ПОСЕЛИЛСЯ В РАЗНОЦВЕТНЫХ
КОМНАТАХ В ТОЙ
НАСТРОЕНИЯМ...

...ПОДРАЖАЯ ПО
КАК МЕСТОМ СВОЕГО
РОЖДЕНИЯ, ТАК И
ДЕКОРОМ.

ЭМ-М... НУ, ТВОЙ ДОМ НА ЭФ-СТРИТ ОЧАРОВАТЕЛЕН, НО ЭТО ЕДВА ЛИ ДВОРЕЦ ПРИНЦА ПРОСПЕРО...

ДА. ХОТЯ Я ПО-ПРЕЖНЕМУ ОТДАЮ ПРЕПОЧТЕНИЮ ИСКУССТВУ, А НЕ ПРИРОДЕ, Я ИЗЖИЛ В СЕБЕ ДЕКАДЕНТСКУЮ ЛЮБОВЬ К ИСКУССТВЕННОСТИ.

ВЫБРАВ ТРАДИЦИЮ, Я ВЕРНУЛ ВИКТОРИАНСКУЮ ОБСТАНОВКУ ВРЕМЕН ДЕТСТВА.

МЕНЯ ОХВАТИЛА **ОДЕРЖИМОСТЬ** СТАРИНОЙ. ОНА ДАЖЕ ВОРВАЛАСЬ В МОИ РЕДКИЕ СНЫ...

КАК ИМЕННО?

ЭТОТ МОМЕНТ ЧАСТО **СМУЩАЛ** МЕНЯ В УПОМЯНУТОЙ СТРАНЕ СНОВ - В ОСТАЛЬНОМ СТАБИЛЬНОЙ.

ОНА КАЖЕТСЯ СОВЕРШЕННО ОТЛИЧНЫМ ОТ НАШЕГО МИРОМ, НО ВСЕ ЖЕ ИНОГДА ПРОЯВЛЯЕТСЯ В **ЗЕМНЫХ** МЕСТАХ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ ДРЕВНЕЙШИМ ЦИВИЛИЗАЦИЯМ.

ИЗ-ЗА ЭТОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ Я ПЕРЕОСМЫСЛИЛ ТЕОРИИ STELLA SAPIENTE, УСВОЕННЫЕ ОТ НЕЩАСТНОГО ПРОПАВШЕГО **УОРНЕРА**.

ТЕ САМЫЕ КОНЦЕПЦИИ, КОТОРЫЕ ОПИСЫВАЛ ПИТМАН? ЧТО МИР СНОВ БУКВАЛЬНО НАХОДИТСЯ **ПОД ЗЕМЛЕЙ**?

НУ, ХОТЯ Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОПАДАЮ В ГЛУБОКИЙ СОН, СПУСТИВШИСЬ ПО СЕМИ СОТНЯМ СТУПЕНЕЙ, ИНТЕРЕСУЕТ МЕНЯ **ДРУГОЙ** АСПЕКТ.

УОРНЕР УПОМИНАЛ О ГЛАВЕ STELLA SAPIENTE И ВЫДАЮЩЕМСЯ МАСОНЕ, ОБЩАВШЕМСЯ С ГЕНЕРАЛОМ АЛЬБЕРТОМ **ПАЙКОМ** В 1863 ГОДУ.

АЛЬБЕРТ ПАЙК... ОН ВЕДЬ **ТОЖЕ** БЫЛ МАСОНОМ, ВЕРНО?

ПОХОЖЕ НА ТО. УОРНЕР ГОВОРИЛ, ПАЙК И ПРЕДСТАВИТЕЛЬ STELLA SAPIENTE ОБСУЖДАЛИ МИР СНОВ.

СО СЛОВ УОРНЕРА, ОНИ СЧИТАЛИ ЕГО ФИЗИЧЕСКИ СУЩЕСТВУЮЩИМ В ДАЛЕКОМ **ПРОШЛОМ** ЗЕМЛИ: ДЕСКАТЬ, НАШ МИР ЕГО ЗАМЕНИЛ, НО ОН ЕЩЕ МОЖЕТ **ВОСКРЕСНУТЬ** В БУДУЩЕМ.

ЕСТЕСТВЕННО, Я БЕССОВЕСТНО УКРАЛ ЭТУ ИДЕЮ ДЛЯ СОБСТВЕННЫХ РАССКАЗОВ...

КАКИХ?
ЭТОГО НЕ БЫЛО
В «ПОЛЗУЩЕМ
В ОБЛАКАХ».

ЧТО Ж,
ДАЖЕ В НЕМ
Я ЗАТРОНУЛ ТЕМУ
МАТЕРИАЛИЗАЦИИ
СНОВ... НО Я, СКОРЕЕ,
ГОВОРЮ О «СУМЕ-
РЕЧНОЙ ОДИССЕЕ».

В НЕЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ОТКРЫВАЕТ РЕГИОН КОНГО,
ГДЕ ЕЩЕ СОХРАНИЛСЯ
ДОЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
МИР СНОВ.

ОЧЕВИДНО, ПИСАЛ
Я ПОД ВЛИЯНИЕМ
«ПРАЗДНЫХ ДНЕЙ
НА ЯННЕ» ЛОРДА
ДАНСЕНИ.

ЭТО ЖЕ ТОТ
АВТОР, ЧТО ДАЕТ
СЕГОДНЯ ЛЕКЦИЮ?
НЕ ЗНАКОМ С ЕГО
ТВОРЧЕСТВОМ...

О, КАКОЕ УПУЩЕНИЕ.
ОН ПЛЕТЕТ ИСКУСНЕЙ-
ШИЕ МЕТАФОРЫ.

БОЛЕЕ ТОГО, ОН
ДОСТОИН УВАЖЕНИЯ
И КАК ЧЕЛОВЕК:
ТИТУЛОВАННЫЙ
АРИСТОКРАТ, ОХОТНИК
НА КРУПНУЮ ДИЧЬ,
СОЛДАТ...

ОТВАГА ДАНСЕНИ
И ПОБУДИЛА МЕНЯ
В СВОЕ ВРЕМЯ
ЗАВЕРБОВАТЬСЯ
ВО ФРАНЦУЗСКИЙ
ИНОСТРАННЫЙ
ЛЕГИОН.

ТЫ КОГДА-ТО
ВОЕВАЛ?

Я... Э-Э...
МЕНЯ НЕ ПРИНЯЛИ
ПО, ЭМ, МЕДИЦИНСКИМ
ПОКАЗАНИЯМ.

В ЭТОМ НЕТ НИЧЕГО
ПОСТЫДНОГО. САМ Я
РЕДКО УЧАСТВОВАЛ
В БОЮ, НО И ЭТОТ
МАЛЫЙ ОПЫТ ОСТАВИЛ
НЕИЗГЛАДИМЫЙ
СЛЕД.

ЕСЛИ ЧЕСТНО,
Я ПОЧТИ ПОТЕРЯЛ
ЖЕЛАНИЕ ПИСАТЬ
НЕРЕАЛИСТИЧНЫЕ БАЙКИ
ОБ УЖАХАХ И ДАЖЕ
ИССЛЕДОВАТЬ СНЫ.

НЕ СОВСЕМ...
ПО ПРАВДЕ СКАЗАТЬ,
ТВОЙ РАССКАЗ МЕНЯ
ОЗАДАЧИЛ.

МОЙ МЕТОД
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
УМСТВЕННЫЙ. МОГУ
ПРОДЕМОНСТРИРОВАТЬ,
ЕСЛИ ЖЕЛАЕШЬ.

ЗАКРЫВ ГЛАЗА,
МЫ ВООБРАЖАЕМ СЕБЯ
НА ВЕРШИНЕ ВЫСОКОЙ
ЛЕСТНИЦЫ...

МОГУ ПОНЯТЬ.
НО МОЖНО ВСЕ ЖЕ
УЗНАТЬ ПОДРОБНЕЕ
О ТВОИХ МЕТОДАХ?
ТЕХНИКА «СЕМИ СОТЕН
СТУПЕНЕЙ» ТРЕБУЕТ
БУКВАЛЬНОГО СПУСКА,
КАК У МИСТЕРА
ПИТМАНА?

ЧТО Ж, ЭТО ЛЕГКО.
А ДАЛЬНЕЙШАЯ ПРОЦЕДУРА?

О, В УСПЕШНОМ
СНОВИДЕНИИ
МНОГО СЕКРЕТОВ.
ДНЕВНИКИ СНОВ,
К ПРИМЕРУ, ПОМОГАЮТ
ЗАПОМИНАТЬ НОЧНЫЕ
ПОХОЖДЕНИЯ.

СЕМЬ СОТЕН
СТУПЕНЕЙ - ЛИШЬ
СПОСОБ ВЫЗВАТЬ
**ОСОЗНАННЫЕ
СНОВИДЕНИЯ,**
КОТОРЫМИ
МОЖНО УПРАВЛЯТЬ.

МЫ СПУСКАЕМСЯ
ПО СТУПЕНЯМ В СОН.
ИХ **ОТСЧЕТ** ПОМОГАЕТ
СОСРЕДОТОЧИТЬ
ВНИМАНИЕ.

ДА. ДА, Я ПОНИМАЮ, О ЧЕМ ТЫ.
ЭТО ТРЕБУЕТ **УСИЛИЙ** -
ПОСТОЯННО ПРЕДСТАВЛЯТЬ
СТУПЕНИ, НЕ **ОТВЛЕКАЯСЬ.**
ПЯТНАДЦАТЬ, ШЕСТНАДЦАТЬ...

КАК И В ЛЮБОЙ
ДИСЦИПЛИНЕ, НАВЫК
ПРИХОДИТ С ПРАКТИКОЙ.
Я ОБНАРУЖИЛ, ЧТО МНЕ
ПОМОГАЕТ **ВООБРАЖЕНИЕ**
ОЩУЩЕНИЙ.

Я ПОМНЮ О ПЕЩЕРНОЙ
АКУСТИКЕ, СЛАБОМ ЗАПАХЕ
МОКРОГО КАМНЯ И НЕРОВНОЙ
ТЕКСТУРЕ НЕОТЕСАННЫХ
СТУПЕНЕЙ ПОД НОГАМИ.

ТРИДЦАТЬ,
ТРИДЦАТЬ ОДНА...

КАК НЕОБЫЧНО...
Я ОЧЕНЬ ЧЕТКО ВИЖУ
ПОДЗЕМНЫЕ СЛОИ.

НО ТРУДНО УДЕРЖАТЬ
ЛЕСТНИЦУ ОТ ТОГО,
ЧТОБЫ ОНА НЕ МЕНЯЛА
ВИД...

ЭТО НЕИЗБЕЖНО,
ВЕДЬ МЫ ПРИБЛИЖАЕМСЯ
К СТРАТАМ,
ГДЕ ИДЕИ ТЕРЯЮТ
СТАБИЛЬНОСТЬ.
ВИДИШЬ ЛИ, У СНОВ
МНОГО УРОВНЕЙ.

НА ЭТОЙ
ГЛУБИНЕ ЗАЛЕГАЕТ
ГИПНАГОГИЧЕСКАЯ
ДРЕМА, С ОБИЛИЕМ
ЭКЗОТИЧЕСКИХ
ЗЫБКИХ **ОБРАЗОВ.**
СТО Сорок девять.
СТО ПЯТЬДЕСЯТ...

А-ДА. А ТЕПЕРЬ ЭТИ ОБРАЗЫ
НАЧИНАЮТ С НАМИ ГОВОРИТЬ.
РЭНДАЛЛ, А ТВОЙ МИР СНОВ -
ПОД ЗЕМЛЕЙ?

СТО ШЕСТЬДЕСЯТ.
СТО ШЕСТЬДЕСЯТ
ОДИН...

ПРИВЕТ. ПРИВЕТ,
РОБЕРТ. РАД ТЕБЯ
НЮХАТЬ.

КАРВЕР,
ПРОКЛЯТЫЙ ТРУС!
НЕ ДЕЛАЙ ВИД,
ЧТО НЕ СЛЫШИШЬ
НАС!

ПОЛАГАЮ,
ИНАЧЕ БЫТЬ
НЕ МОЖЕТ.
КАК СТРАНА ЧУДЕС
АЛИСЫ.
ЧТО ДО ГОЛОСОВ -
НЕ СЛУШАЙ ИХ.
СТО СЕМЬДЕСЯТ ТРИ.
СТО СЕМЬДЕСЯТ
ЧЕТЫРЕ...

НИИ...

ТЕПЕРЬ...
ТЕРЬ КРАСКИ...
СТНОВЯЦА ЯРЧЕ.
ПИССОТСОРОКСЕМЬ.
ПСОТСРОКОСМЬ...

ЭТО... ЭТОССС...
ЭТОЗНАЧ, МЫ ПОШТИ
НАМЕСЬ...

ПСОТПСЯТТРИ.
ПСОТПСЯТЩТРЕ...

НЕ УМЕЩАЕТСЯ В ГОЛОВЕ.
СТОЛЬКО НЕДЕЛЬ Я ЖИЛ
В «ВАНДОМЕ» И ПОСЕЩАЛ
ТЕБЯ - И ВСЕ ВРЕМЯ
НЕ ПОНИМАЛ ДО КОНЦА,
ЧТО ДЛЯ ТЕБЯ ЗНАЧАТ
СНЫ.

ВСЕ АБСОЛЮТНО
РЕАЛЬНО, КАК В МОЕМ
ОПЫТЕ У РОНАЛЬДА
ПИТМАНА. ШЕСТЬСОТ
ДЕВЯНОСТО ШЕСТЬ.
ШЕСТЬСОТ ДЕВЯНОСТО
СЕМЬ...

ОСОЗНАННЫЙ СОН
ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ
РЕАЛЬНОСТИ ТОЛЬКО
ПОДАТЛИВОСТЬЮ.

ШЕСТЬСОТ
ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЬ,
СЕМЬСОТ. ВСЕ.
ТЕПЕРЬ ИССЛЕДУЕМ
ОКРЕСТНОСТИ
ВЛАДЕНИЙ ГИПНОСА.

КАК ВСЕ ЖИВО.
И С ЧЕГО ТЫ РЕШИЛ,
ЧТО ТЕРЯЕШЬ
СПОСОБНОСТИ
СНОВИДЦА?

О, ЭТО ТОЛЬКО
ВЕРХА СТРАНЫ СНОВ,
ГДЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ
НЕДАВНИЕ
ВОСПОМИНАНИЯ.
КОГДА-ТО Я МОГ
СТРАНСТВОВАТЬ
ГЛУБЖЕ.

НАПРИМЕР, КАРТИНА **ВПЕРЕДИ**,
ПОХОЖЕ, ВОССОЗДАНА
ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ НАШЕЙ
ТЕКУЩЕЙ **БЕСЕДЫ...**

SEE SEEEEE
SE SEEEEE SEE
SEEEEE

СЭР, МЫ С РЫЦАРЯМИ ЗОЛОТОГО КРУГА
ГОРИМ НАШИМИ ОБЩИМИ **ЦЕННОСТЯМИ**,
ДАБЫ **ГОРДЫЙ КРАЙ** ОДНАЖДЫ
ВОССТАЛ ВНОВЬ.

ВЕРОЯТНО,
ЭТО ГЕНЕРАЛ ПАЙК
И ЧЛЕН **STELLA SAPIENTE**,
КОТОРЫХ МЫ ОБСУЖДАЛИ...

КАК Я ПОНИМАЮ,
СЭР, ВЫ ГОВОРИТЕ
О СВОЕМ ДРАГО-
ЦЕННОМ ЮГЕ?

НЕТ, СЭР.

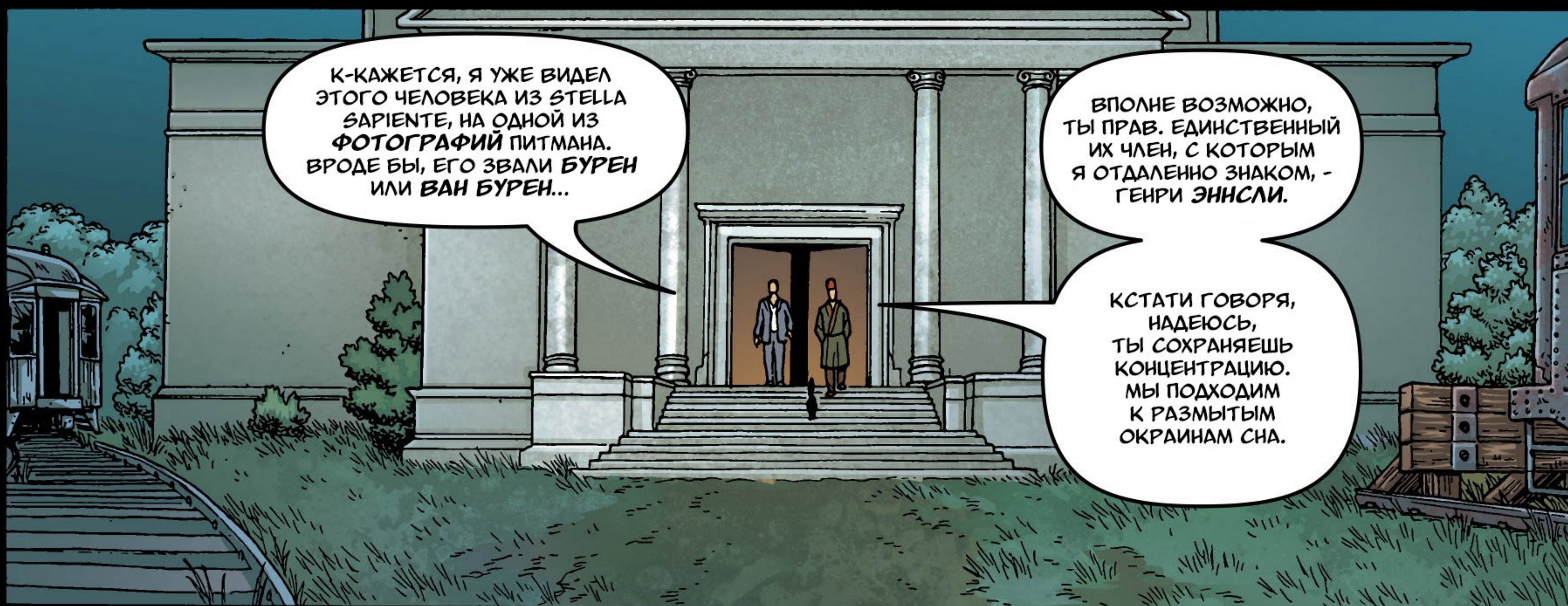
СМЕЮ ВАС
ЗАВЕРИТЬ,
ЧТО НЕТ.

Я И-НЕ ПОНИМАЮ. ВСТРЕЧА
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРОХОДИЛА ТАК?
А ЭТИ ЛЮДИ В КАПЮШОНАХ ЧТО,
КУКЛУКСКЛАНОВЦЫ?

ОЧЕНЬ НА ТО ПОХОЖЕ,
ХОТЯ ЗДЕСЬ ВНЕШНОСТЬ
НЕ РЕДКО БЫВАЕТ
НЕ ТОЛЬКО **ПРАВДИВОЙ**,
НО И **СИМВОЛИЧЕСКОЙ**.

ТАК ИЛИ ИНАЧЕ, СЦЕНА
ОТНОСИТСЯ К ЗЕМНЫМ
МАТЕРИАМ. ЕСЛИ МЫ
ЖЕЛАЕМ НЕЗЕМНОГО,
СЛЕДУЕТ УГЛУБИТЬСЯ
ДАЛЬШЕ...

К-КАЖЕТСЯ, Я УЖЕ ВИДЕЛ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА ИЗ STELLA SAPIENTE, НА ОДНОЙ ИЗ ФОТОГРАФИЙ ПИТМАНА. ВРОДЕ БЫ, ЕГО ЗВАЛИ БУРЕН ИЛИ ВАН БУРЕН...

ВПОЛНЕ ВОЗМОЖНО, ТЫ ПРАВ. ЕДИНСТВЕННЫЙ ИХ ЧЛЕН, С КОТОРЫМ Я ОТДАЛЕННО ЗНАКОМ, - ГЕНРИ ЭННСЛИ.

КСТАТИ ГОВОРЯ, НАДЕЮСЬ, ТЫ СОХРАНЯЕШЬ КОНЦЕНТРАЦИЮ. МЫ ПОХОДИМ К РАЗМЫТЫМ ОКРАИНАМ США.

НЕ ДО КОНЦА ЯСНО, КАК РЖАВЕЮЩИЕ ВАГОНЫ КАСАЮТСЯ НАШЕГО ПЛОТСКОГО ВЛЕЧЕНИЯ К СОБСТВЕННЫМ МАТЕРЯМ, ХОТЯ, ВЕРОЯТНО, ПРОФЕССОРУ ФРЕЙДУ НАШЛОСЬ БЫ, ЧТО ОБ ЭТОМ СКАЗАТЬ.

МЕНЯ ПОРАЖАЕТ УЖЕ САМА ЧЕТКОСТЬ И СТАБИЛЬНОСТЬ ОБРАЗОВ.

КАК ТЫ И ГОВОРИЛ, ЭТО ПОДЛИННАЯ СТРАНА С ПОСТОЯННОЙ ГЕОГРАФИЕЙ, СОБСТВЕННОЙ ФЛОРОЙ И...

Э-Э...

Р-РЭНДАЛЛ? Т-ТЫ ВИДЕЛ, ТАМ? ТАМ БЫЛ... КАКОЙ-ТО...

ДА, Я ЗАМЕТИЛ.

ЗДЕСЬ ПОДОБНЫЕ ЗРЕЛИЩА НЕ РЕДКИ. ПОТОМУ-ТО МЫСЛЬ STELLA SAPIENTE, ЧТО ОДНАЖДЫ ЭТА РЕАЛЬНОСТЬ ПОГЛОТИТ НАШУ СОБСТВЕННУЮ, СТОЛЬ ТРЕВОЖНА.

ФАУНА ЗДЕСЬ ПУГАЮЩЕ РАЗНООБРАЗНА И СТАНОВИТСЯ ЛИШЬ МНОГОЧИСЛЕННОЙ ПО МЕРЕ УГЛУБЛЕНИЯ...

В ЭТИХ КРАЯХ ОБИТАЮТ ТАКИЕ СУЩЕСТВА, КОТОРЫХ НЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ ВИДЕТЬ РАЗГУЛИВАЮЩИМИ ПО НОВОАНГЛИЙСКИМ ЗАКОУЛКАМ.

К СЧАСТЬЮ, Я ПОДОЗРЕВАЮ, ЧТО ВИДЕНИЕ STELLA SAPIENTE - КОЛЛЕКТИВНАЯ ФАНТАЗИЯ, КАК И ИХ НОНСЕНС ОБ «ИЗБАВИТЕЛЕ».

КАЖЕТСЯ, ЭТО И В САМОМ ДЕЛЕ ЗВУЧИТ БЕЗУМНО.

ВПЕРЕДИ КАКОЕ-ТО КЛАДБИЩЕ?

ДА... КАК ТЫ УЖЕ МОГ ЗАМЕТИТЬ, ПОДОБНЫЕ МЕСТА ИЗОБИЛЮЮТ НА МОЕМ ВНУТРЕННЕМ ЛАНДШАФТЕ.

ЕЩЕ ОНИ ЯВЛЯЮТСЯ ПОДХОДЯЩИМ АРЕАЛОМ ДЛЯ ЭТИХ ДОВОЛЬНО ДРУЖЕЛЮБНЫХ ТРУПОЕДОВ...

ЭМ-М. ОНИ С-СЛОВНО СОШЛИ С КАРТИН ПИТМАНА. ОЧЕВИДНО, ОН ТОЖЕ ЗДЕСЬ БЫВАЕТ.

ЗНАЧИТ, ТЫ УВЕРЕН, ЧТО МЕЧТЫ ОБ ИЗБАВИТЕЛЕ STELLA SAPIENTE - ЛИШЬ ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ?

НУ РАЗУМЕЕТСЯ. И ДАЖЕ СУЩЕСТВУЙ ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК, ОН В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ БЕСПОМОЩЕН, ПОКА НЕ ВСТРЕТИТСЯ С НЕ МЕНЕЕ НЕПРАВДОПОДОБНЫМ «ПОСЛАНЦЕМ».

И ХОТЯ ЭТА ВСТРЕЧА, НЕСОМНЕННО, СУЛИТ КАТАСТРОФУ, ОНА КАЖЕТСЯ МАЛОВЕРОЯТНОЙ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ НА НАШЕМ ВЕКУ.

УСПОКАИВАЮЩАЯ МЫСЛЬ.

А ЧТО ЭТО ЗА БАШНЯ? ОНА КАК БУДТО ДОХОДИТ ДО САМОГО НЕБА...

ЧЕРЕЗ НЕЕ МОГИЛЬНЫЕ ПАДАЛЬЩИКИ ПОПАДАЮТ В НИЖНИЕ ПРЕДЕЛЫ НАШЕЙ РЕАЛЬНОСТИ... ТОЛЬКО Я НЕ УВЕРЕН, ЧТО НАД НАМИ - НЕБО.

НЕ ЗАБЫВАЙ О ПОДЗЕМНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ: ЭТО МЕРЦАНИЕ МОЖЕТ ПРИНАДЛЕЖАТЬ КАК ЗВЕЗДАМ, ТАК И СТАЛАКТИТАМ...

ЗНАЧИТ... ЗНАЧИТ, МИР СНОВ В КАКОМ-ТО СМЫСЛЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БУКВАЛЬНО ПОД ЗЕМЛЕЙ? НО РАЗВЕ ЭТО ВОЗМОЖНО ФИЗИЧЕСКИ?

СКАЗАТЬ ОТКРОВЕННО, Я И НЕ УВЕРЕН, ЧТО ВОЗМОЖНО.

САМА ЭТА МЫСЛЬ ПРЕДПОЛАГАЕТ, БУДТО РЕАЛЬНОСТЬ **ВНЕ НАБЛЮДЕНИЯ** ПРЕБЫВАЕТ В НЕИЗВЕСТНОМ НАМ СОСТОЯНИИ, А ЭТО ПРОТИВОРЕЧИТ ВСЕМУ, ЧТО МЫ ЗНАЕМ О **НАУКЕ**.

ДА, И НЕ СТОИТ ЗАБЫВАТЬ О **ЛУНЕ**.

РЭНДАМ? ОТКУДА З-ЗДЕСЬ СТОЛЬКО **КОШЕК**? НАМ СТОИТ ПЕРЕЖИВАТЬ?

ВО ВСЕ НЕТ. Я ДАВНО ЗНАЮ ЭТУ **МОХНАТУЮ БРАТИЮ** И ИМЕЮ ЧЕСТЬ ЗВАТЬ ИХ ДРУЗЬЯМИ. ВПРОЧЕМ, ВСЕ ИХ **ВРАГИ** ДАВНО МЕРТВЫ И **СЪЕДЕНЫ**.

ДЛЯ НИХ ОБЫЧНОЕ ДЕЛО ПРЕДЛАГАТЬ ПОМОЩЬ В ПУТЕШЕСТВИЯХ **СНОВИДЦЕВ**.

НО ОНИ СОБИРАЮТСЯ **ВОКРУГ НАС**. МНЕ НАЧИНАЕТ КАЗАТЬСЯ, БУДТО ОНИ...

ого!

НАДО ЖЕ! ТАКОЙ УСЛУГИ ОНИ МНЕ НЕ ОКАЗЫВАЛИ УЖЕ ДАВНО. ПОХОЖЕ, ИХ **ВОДУШЕВИЛО** ТВОЕ ПРИСУТСТВИЕ.

ОНИ... ОНИ НЕСУТ НАС НА **ЛУНУ**. РЭНДАМ, ЭТО ЖЕ **ИЗУМИТЕЛЬНО!**

НЕУЖЕЛИ К ТЕБЕ **ВЕРНУЛИСЬ** СНОВИДЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ? МОЖЕТ, БОЛЬШЕ НИЧТО НЕ МЕШАЕТ ТЕБЕ ОТПРАВИТЬСЯ НА ЛЮБОЕ РАССТОЯНИЕ...

хмм. НЕ БУДЕМ ОПЕРЕЖАТЬ СОБЫТИЯ, ХОРОШО?

О БОЖЕ! О БОЖЕ,
ЧТО ОНИ ТАКОЕ?

Р-РЭНДАЛЛ, ОНИ...
О-ОХ... ОНИ МЕНЯ
ЩЕКОЧУТ!

АА!
ААААА!

ЧЕРТ ПОДЕРИ!
ТАК И ЗНАЛ,
ЧТО ВСЕ ИДЕТ
К ЭТОМУ!

НЕ СТРАШИТЕСЬ,
МИСТЕР БЛЭК! Я ЗНАКОМ
С ЭТИМИ БЕЗЛИКИМИ
КРЫЛАТЫМИ СУЩЕСТВАМИ
И НЕ ДУМАЮ, ЧТО НАМ
ЖЕЛАЮТ ЗЛА...

А-ДА. САМЫЙ
БЕСПОКОЙНЫЙ
АСПЕКТ ИХ ПОВЕДЕНИЯ.
ПО СВОЕЙ ПРИРОДЕ
ОН МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ
НЕКОМФОРТНО
СЕКСУАЛЬНЫМ.

КОГДА ЭТИ
НОЧНЫЕ СЕРАФИМЫ
УНОСИЛИ МЕНЯ ОБРАТНО
К ЯВИ, ИНОГДА Я ОБНАРУ-
ЖИВАЛ, ЧТО ПРОБУЖДАЮСЬ
В СОСТОЯНИИ ЖИВОТНОГО
ВОЗБУЖДЕНИЯ.

УХХ. О БОЖЕ,
ТЫ ПРАВ. КАК УЖАСНО!

РЭНДАЛЛ, Я БОЛЬШЕ
НЕ МОГУ ТЕРПЕТЬ!
ПРОШУ, ПУСТЬ ОНИ
ПРЕКРАТЯТ...

НЕТ! РОБЕРТ,
НЕ ЕРЗАЙТЕ!
ОНИ НАС УРОНЯТ,
И ТОГДА МЫ...

...УПАДЕМ...

АААА!
МЫ ПАДАЕМ
НЕ В ТУ
СТОРОНУ!
МЫ ПАДАЕМ
В НЕБО...

ТОЛЬКО НЕ ЭТО!
ТАМ ОБИТАЮТ
ВНЕШНИЕ СУЩНОСТИ...

ВСПОМНИ,
КАК Я КОГДА-ТО,
ЧТО ЭТО ЛИШЬ СОН,
И, ЧТОБЫ СПАСТИСЬ
ИЗ НЕГО, ДОСТАТОЧНО
ТОЛЬКО РАСКРЫТЬ...

...ГЛАЗА.

FINE C

ПОМИЛУЙ БОЖЕ!
РЭНДАЛЛ, ЭТО БЫЛО
НЕВЕРОЯТНО.

ЕСЛИ У ТЕБЯ ТАКИЕ СНЫ,
НЕУДИВИТЕЛЬНО,
ЧТО ОНИ ВДОХНОВЛЯЛИ
ТЕБЯ НА ТВОРЧЕСТВО.

ДА, НО НА СОН
МЕНЯ ВДОХНОВИЛО
ТВОРЧЕСТВО ЛОРДА
ДАНСЕНИ.

КСТАТИ ГОВОРЯ,
ЕСЛИ МЫ НЕ ХОТИМ
ПРОПУСТИТЬ ЕГО ВЕЧЕРНИЕ
ЧТЕНИЯ, НУЖНО ВЫХОДИТЬ
НЕМЕДЛЕННО.

...С НЕТЕРПЕНИЕМ.
ПОХОЖЕ, ЕГО ПРОЗА
МНОГОМУ ТЕБЯ
НАУЧИЛА.

И ТЕМ УДОБНЕЙ,
ЧТО «КОПЛИ-ПЛАЗА»
ТАК БЛИЗКО
К «ВАНДОМУ».

КАК УДАЧНО ДЛЯ ТЕБЯ.
ДА, ТРУДЫ ДАНСЕНИ УЧАТ
ТОНКОСТИ, СКРЫВАЮТ
МИМОЛЕТНЫЕ СОБЫТИЯ
В САМЫХ НЕПРИМЕТНЫХ
ПАССАЖАХ. НАПРИМЕР...

БОЖЕ МОЙ, БЛЭК?
ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?
ЧТО ТЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕШЬ?

Э-Э... ДОКТОР НОРТ?
ЧТО-ТО НЕ Т-ТАК?

ЭТО Я У ТЕБЯ
СПРАШИВАЮ! ЗАЧЕМ ТЫ
ПОСЛЕДОВАЛ ЗА НАМИ
В БОСТОН?

ТЫ ЧТО, ХОЧЕШЬ
ПРИВЕСТИ ИХ К НАМ,
В ЭТОМ ВСЕ ДЕЛО?
ШОРОХ В ЗЕМЛЕ...

ГЕКТОР,
РАДИ БОГА, ЭТО ЖЕ ЯВНО
СОВПАДЕНИЕ. ПРЕКРАТИ
ДРАМУ, И ВЕРНЕМСЯ
ДОМОЙ...

КАКАЯ ПРИМЕЧАТЕЛЬНАЯ
ПАРОЧКА. КАК Я ПОНИМАЮ,
ЭТО ТВОИ ДРУЗЬЯ?

НУ... СКОРЕЕ, ЗНАКОМЫЕ.
Я НЕНАДОЛГО ОСТАНОВИЛСЯ
У НИХ В МАНЧЕСТЕРЕ,
НО ЗАТЕМ ИМ ПРИШЛОСЬ
СПЕШНО ПОКИНУТЬ ГОРОД.

ПОСЛЕ СТОЛЬКИХ НЕДЕЛЬ
У ПИТМАНА И С ТОБОЙ
Я И ЗАБЫЛ, ЧТО ОНИ
НАПРАВЛЯЛИСЬ В БОСТОН.

НУ ЧТО Ж...
ПРОДОЛЖИМ.

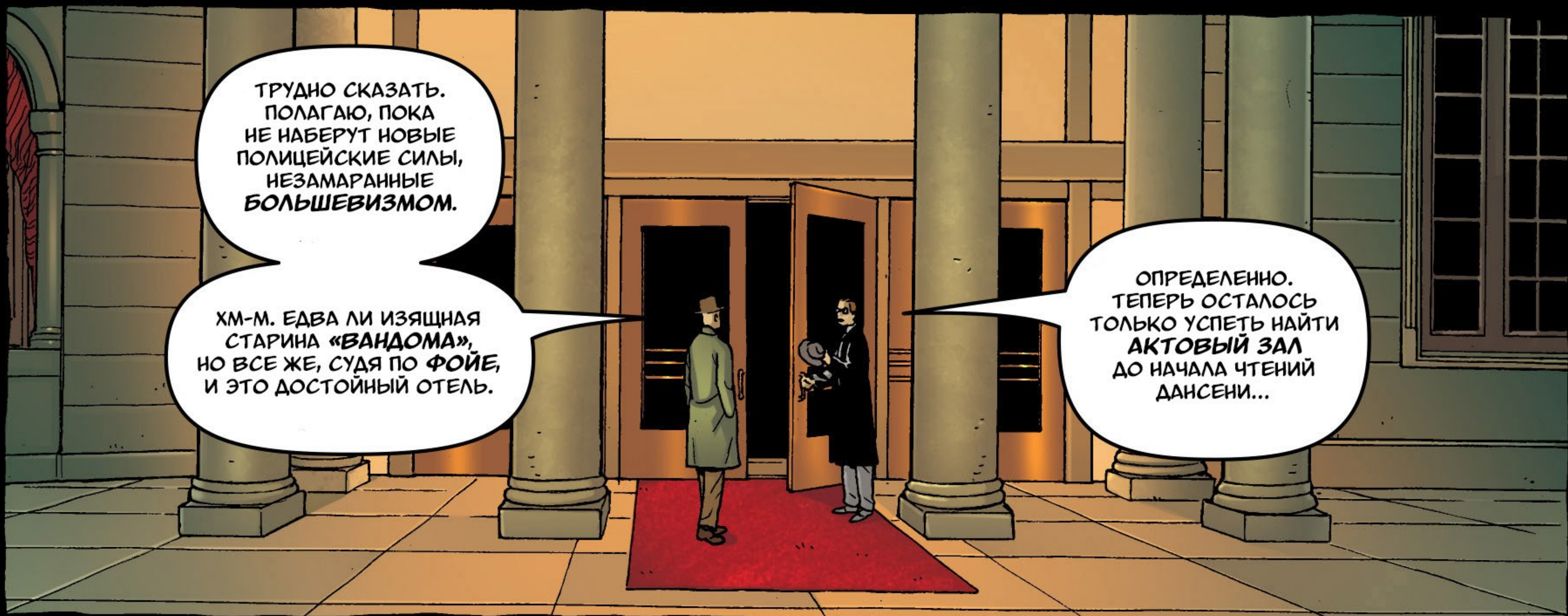

И ВОТ МЫ УЖЕ
НА ПЛОЩАДИ КОПЛИ.

ДОЛЖЕН
СКАЗАТЬ, ТЫ
ВЫБРАЛ НА РЕДКОСТЬ
НЕУДАЧНЫЙ ГОД ДЛЯ
ПОСЕЩЕНИЯ НАШЕГО
ДОСТОСЛАВНОГО
ГОРОДА.

ЧТО Ж, ПРИБЫВ
В САМУЮ ХУДШУЮ
НОЧЬ ЗАБАСТОВКИ
ПОЛИЦИИ, Я ИСПЫТАЛ
ШОК, НО ВСЕ УЖЕ
ВЫВЕТРИЛОСЬ
ИЗ ГОЛОВЫ.

ДОЛГО ЕЩЕ
ГВАРДИЯ БУДЕТ
ПАТРУЛИРОВАТЬ
БОСТОНСКИЕ УЛИЦЫ,
КАК СЧИТАЕШЬ?

ТРУДНО СКАЗАТЬ.
ПОЛАГАЮ, ПОКА
НЕ НАБЕРУТ НОВЫЕ
ПОЛИЦЕЙСКИЕ СИЛЫ,
НЕЗАМАРАННЫЕ
БОЛЬШЕВИЗМОМ.

ХМ-М. ЕДВА ЛИ ИЗЯЩНАЯ
СТАРИНА «ВАНДОМА»,
НО ВСЕ ЖЕ, СУДЯ ПО ФОЙЕ,
И ЭТО ДОСТОЙНЫЙ ОТЕЛЬ.

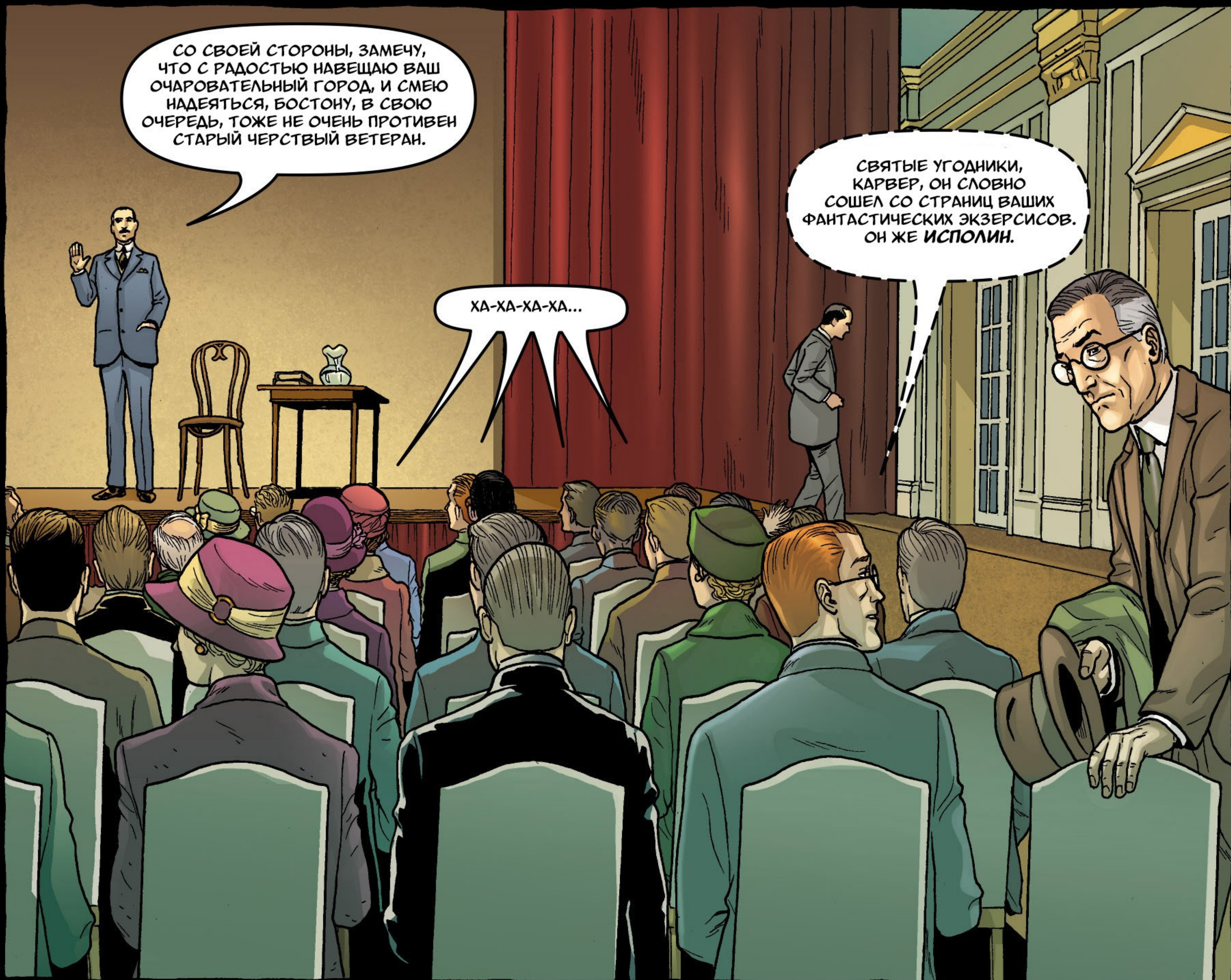
ОПРЕДЕЛЕННО.
ТЕПЕРЬ ОСТАЛОСЬ
ТОЛЬКО УСПЕТЬ НАЙТИ
АКТОВЫЙ ЗАЛ
ДО НАЧАЛА ЧТЕНИЙ
ДАНСЕНИ...

...И БЕЗ ДАЛЬНЕЙШИХ
ПРОВОЛОЧЕК Я С ПРЕВЕЛИКИМ
УДОВОЛЬСТВИЕМ ПРЕДСТАВЛЯЮ
ВАМ НАШЕГО ВЫДАЮЩЕГОСЯ
ГОСТЯ.

ДОРОГИЕ БОСТОНЦЫ, ДАМЫ
И ГОСПОДА, ПОПРИВЕТСТВУЙТЕ
ЗАВАРДА ДЖОНА МОРТОНА ДРАКСА
ПЛАНКЕТТА, ВОСЕМНАДЦАТОГО
БАРОНА ДАНСЕНИ.

О, БЛАГОДАРИУ,
ПРОФЕССОР БЕЙКЕР.
ВЫ СЛИШКОМ
ДОБРЫ...

СО СВОЕЙ СТОРОНЫ, ЗАМЕЧУ, ЧТО С РАДОСТЬЮ НАВЕЩАЮ ВАШ ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ ГОРОД, И СМЕЮ НАДЕЯТЬСЯ, БОСТОНУ, В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, ТОЖЕ НЕ ОЧЕНЬ ПРОТИВЕН СТАРЫЙ ЧЕРСТВЫЙ ВЕТЕРАН.

СВЯТЫЕ УГОДНИКИ, КАРВЕР, ОН СЛОВНО СОШЕЛ СО СТРАНИЦ ВАШИХ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ЭКЗЕРСИСОВ. ОН ЖЕ ИСПОЛИН.

ХА-ХА-ХА-ХА...

О, ПОЧТИ ВО ВСЕХ СМЫСЛАХ ЭТОГО СЛОВА.

БОЛЕЕ ТОГО, ЭТОТ ВЕЧЕР БАЛУЕТ ВАС НА ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ. УВЕРЕН, ЧТО ТОТ ГОСПОДИН РЯДОМ С ПОЖИЛОЙ ДАМОЙ - МОЛОДОЙ ЛАВКРАФТ, ЧЕЙ РАССКАЗ ВАМ ТАК ПОНРАВИЛСЯ.

НЕУЖЕЛИ?

НО НЕЖЕЛИ ЧЕМ ОБРУШИВАТЬ НА ВАС МЕЛАНХОЛИЮ ВОЙНЫ, ЧТО С НЕДАВНИХ ПОР ТУМАНИТ МОЙ СОБСТВЕННЫЙ ВЗОР, Я ИМЕЮ ИНОЕ НАМЕРЕНИЕ...

ЕСЛИ ПОЗВОЛИТЕ, Я БЫ ПОВЕЛ РЕЧЬ О НЕСОКРУШИМОМ БАСТИОНЕ, НЕПРИСТУПНОМ ДЛЯ ВРЕМЕНИ, КОНФЛИКТОВ И ПРЕВРАТНОСТЕЙ СУДЬБЫ.

Я БЫ ПОВЕЛ РЕЧЬ О КРАСОТЕ.

КРАСОТА, БУДЬ ОНА ПРИРОДНАЯ ИЛИ ИСКУССТВЕННАЯ, СПОСОБНА КОСНУТЬСЯ ВЕЧНОСТИ.

КАК ЖЕ АВТОР, КОЕМУ ОТВЕДЕН ЛИШЬ СКОРОТЕЧНЫЙ СРОК НА ЗЕМЛЕ, МОЖЕТ НАДЕЯТЬСЯ ДОСТИЧЬ СЕГО СОСТОЯНИЯ?

К СЧАСТЬЮ, КРАСОТА ЗАКЛЮЧЕНА В НАС, ОНА ВЕЧНА И СВОБОДНА ОТ ИЗРАНЕННОГО ШТЫКАМИ МИРА, И ИМЯ ЕЙ - **ВООБРАЖЕНИЕ**.

В НЕМ ТЕХ, КТО С УСЕРДИЕМ УГЛУБИТСЯ В ЖИЛУ, ЖДУТ ПОДЗЕМНЫЕ СОКРОВИЩА, СВЕРКАЮЩИЕ ЯРЧЕ ЗАКАТОВ.

ВПРОЧЕМ, ЕСТЬ ТАМ МЕСТО И ПУСТОЙ ПОРОДЕ, СЛИТКИ ИЗ КОТОРОЙ Я И ХОЧУ ПРЕДСТАВИТЬ СЕГОДНЯ НА ВАШ СУД...

ХА-ХА-ХА.

РАЗВЕ НЕ ЧУДЕСНО? ОБОЖАЮ, КАК ОН ГОВОРИТ: ПРОИЗНОСИТ PREFAIR ВМЕСТО PREFER. ЭТО БРИТАНСКИЙ АКЦЕНТ?

К ВАШЕМУ ОБЛЕГЧЕНИЮ, ЭТО САМАЯ КОРОТКАЯ ИЗ «ПЬЕС О БОГАХ И ЛЮДЯХ»...

ЭТО ЗАВИСИТ ОТ ТОГО, КОГО СПРОСИТЬ. КАК ПО МНЕ, ЕГО ЛЕГКО МОЖНО НАЗВАТЬ **ИРЛАНДСКИМ**.

ЗА ОТСУТВИЕМ ПРЕИМУЩЕСТВ БРОДВЕЯ ВАМ ПРИДЕТСЯ ВЫТЕРПЕТЬ, ЧТО В КАЖДОЙ РОЛИ ВЫСТУПИТ ВАШ ПОКОРНЫЙ СЛУГА, ВКЛЮЧАЯ ТЕ, ЧТО ОБЫДЕННО ИСПОЛНЯЮТСЯ ДАМАМИ.

ПОЛЬЗУЯСЬ МАТЕРИАЛОМ ИСТОРИИ И СКАЗОК, Я НАПИСАЛ О МОНАРХЕ, ЧТО НЕ В СИЛАХ ВЫНЕСТИ ДАЖЕ **МЫСЛЬ** О ВРАГАХ.

ПЬЕСА НАЗЫВАЕТСЯ «ВРАГИ КОРОЛЕВЫ», И НАЧИНАЕТСЯ ОНА В ПОДЗЕМНОМ ХРАМЕ В ЕГИПТЕ ШЕСТОЙ ДИНАСТИИ.

ЗАНАВЕС ПОДНИМАЕТСЯ; СЦЕНА ПОГРУЖЕНА В ТЕМНОТУ, НА НЕЙ ДВА РАБА СО СВЕЧАМИ, ТАРНИ И ТАРРАБАС, ЗАЖИГАЮТ ФАКЕЛЫ, УКРЕПЛЕННЫЕ НА СТЕНАХ.

ДАЛЕКО ЛИ ЕЩЕ, ТАРНИ?

НЕ ДУМАЮ, ТАРРАБАС.

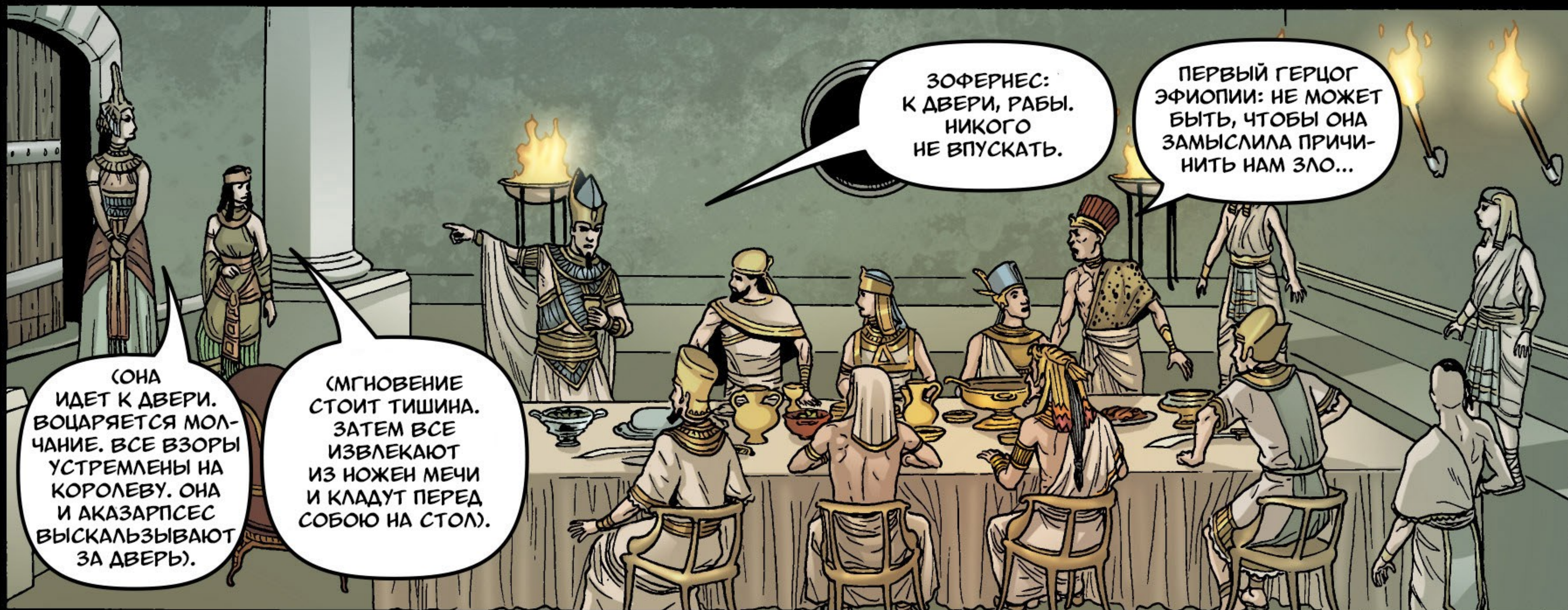
СЫРОЕ МЕСТО, ЗЛОВЕЩЕЕ...

ЗОФЕРНЕС: (ГРОМЧЕ)
МЫ ОТВЕДАЛИ ВАШИХ ПЛОДОВ
И ИСПИЛИ ВАШЕГО ВИНА;
И ПОПРОСИЛИ У ВАС ПРОЩЕНИЯ.
ДАВАЙТЕ ЖЕ РАССТАНЕМСЯ
ДРУЗЬЯМИ.

КОРОЛЕВА: НЕТ, НЕТ!
НЕ УХОДИТЕ! Я СКАЖУ:
«ОНИ ПО-ПРЕЖНЕМУ ВРАГИ
МНЕ», - И Я НЕ СМОГУ
УСНУТЬ.

ВЕДЬ МНЕ
ПРОСТО НЕВЫНО-
СИМО СОЗНАВАТЬ,
ЧТО У МЕНЯ ЕСТЬ
ВРАГИ.

ЗОФЕРНЕС:
К ДВЕРИ, РАБЫ.
НИКОГО
НЕ ВПУСКАТЬ.

ПЕРВЫЙ ГЕРЦОГ
ЭФИОПИИ: НЕ МОЖЕТ
БЫТЬ, ЧТОБЫ ОНА
ЗАМЫСЛИЛА ПРИЧИ-
НИТЬ НАМ ЗЛО...

(ОНА
ИДЕТ К ДВЕРИ.
ВОЦАРЕТСЯ МОЛ-
ЧАНИЕ. ВСЕ ВЗОРЫ
УСТРЕМЛЕННЫ НА
КОРОЛЕВУ. ОНА
И АКАЗАРПСЕС
ВЫСКАЛЗЫВАЮТ
ЗА ДВЕРЬ).

(МГНОВЕНИЕ
СТОИТ ТИШИНА.
ЗАТЕМ ВСЕ
ИЗВЛЕКАЮТ
ИЗ НОЖЕЙ МЕЧИ
И КЛАДУТ ПЕРЕД
СОБОЮ НА СТОЛ).

...МИР НЕ ВИДАЛ
ЕЩЕ ПОДОБНОЙ ЖЕРТВЫ.
ПРИДИ ЖЕ, НИЛ, С ЗАЛИТОЙ
СОЛНЦЕМ РАВНИНЫ.
О ДРЕВНЯЯ РЕКА ЕГИПТА!
ЖЕРТВА ГОТОВА. О НИЛ,
УСЛЫШЬ МЕНЯ.

ГЕРЦОГ ЭФИОПИИ:
НИКОТО НЕ ИДЕТ.

КОРОЛЕВА:
(СНОВА УДАРЯЯ ВЕЕРОМ)
ХАРЛИ, ХАРЛИ, ОБРУШЬ ВОДУ
НА ПРИНЦЕВ И БЛАГОРОДНЫХ
ГОСТЕЙ...

(ИЗ ШИРОКОГО ПРОЕМА
ВЫРЫВАЕТСЯ ЗЕЛЕНЫЙ ПОТОК.
ХРАМ ЗАТОПЛЕН).

(ВОДА, ХЛЫНУВ ПОД ДВЕРЬ,
ПОДНИМАЕТСЯ ПО СТУПЕНЯМ ЛЕСТНИЦЫ;
ШИПЯ, ФАКЕЛЫ ГАСНУТ ОДИН ЗА ДРУГИМ).

(ВОДА ДОХОДИТ
ДО САМОГО КРАЯ ЮБОК
КОРОЛЕВЫ И, ДОСТИГНУВ
СВОЕГО УРОВНЯ, БОЛЕЕ
НЕ ПРИБЫВАЕТ).

(КОРОЛЕВА С КОШАЧЬЕЙ
ПОСПЕШНОСТЬЮ ОДЕРГИВАЕТ
ЮБКИ).

КОРОЛЕВА:
О АКАЗАРПСЕС!
ВСЕ МОИ ВРАГИ
СГИНУЛИ?

АКАЗАРПСЕС:
СИЯТЕЛЬНАЯ ГОС-
ПОЖА, НИЛ ЗАБРАЛ
ИХ ВСЕХ.

КОРОЛЕВА: (С ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ
НАБОЖНОСТЬЮ) ВОТ ВЕДЬ СВЯЩЕННАЯ РЕКА!

АКАЗАРПСЕС: СИЯТЕЛЬНАЯ ГОСПОЖА,
УСНЕТЕ ЛИ ВЫ СЕГОДНЯ НОЧЬЮ?

КОРОЛЕВА:
О ДА, - И СЛАДКО.
(ЗАНАВЕС).*

СПАСИБО.
БОЛЬШОЕ СПАСИБО.
ПОДУМАТЬ ТОЛЬКО,
КАКАЯ БЛАГОДАРНАЯ
ПУБЛИКА. СПАСИБО...

НУ, ЧТО СКАЖЕШЬ?
ОБРАТИЛ Я ТЕБЯ
В НОВУЮ ВЕРУ?

ЕЩЕ КАК!
Я БЫ СЛУШАЛ ЕГО
ВСЮ НОЧЬ...

О НЕТ, ПРОШУ, ВЫ СЛИШКОМ
ДОБРЫ. ПОСЛЕ СЛЕДУЮЩЕЙ
БЕЗДЕЛИЦЫ ВЫ БУДЕТЕ ДУМАТЬ
ОБО МНЕ ИНАЧЕ.

ОНА ПОДЧЕРКИВАЕТ
МОИ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ
ИЗЪЯНЫ И ЗАДАЕТСЯ
ВОПРОСОМ: «ПОЧЕМУ
МОЛОЧНИК БОИТСЯ
РАССВЕТА?»

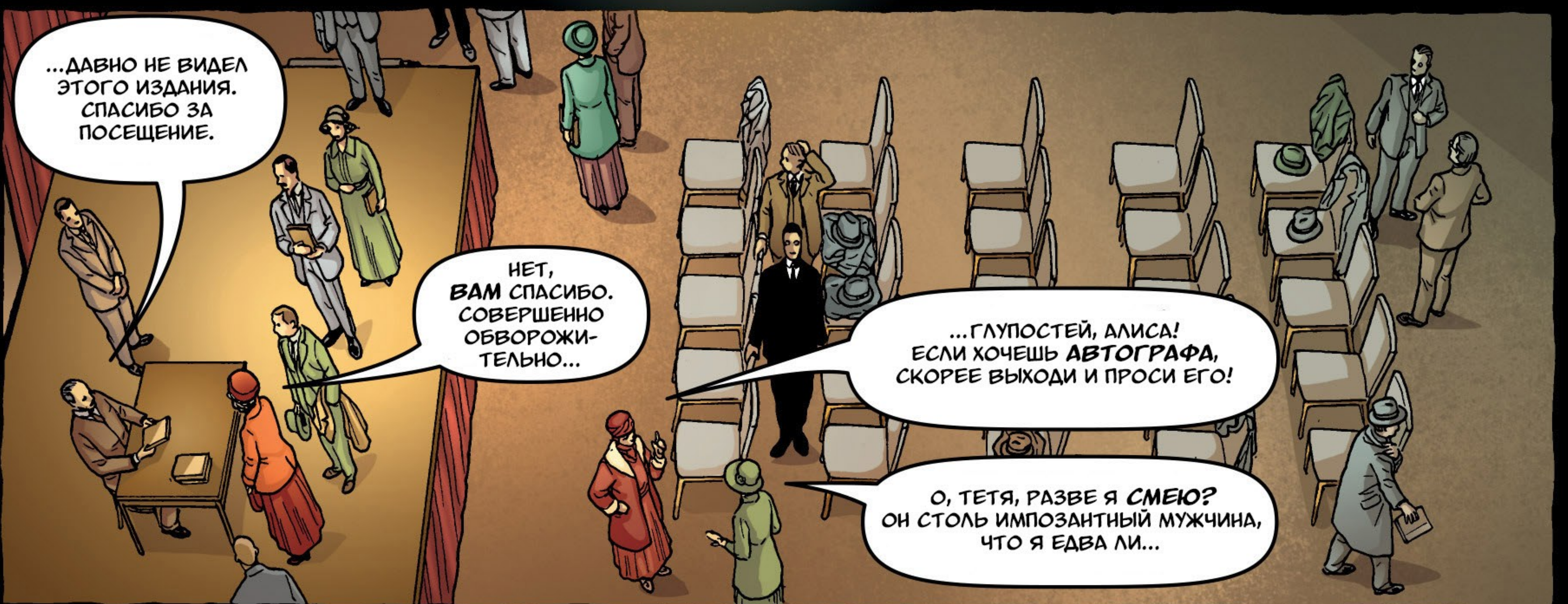

...КОГДА ЛИЦО КАЖДОГО МОЛОЧНИКА
В СТРАХЕ ОБРАЩАЕТСЯ К СВОЕМУ
ТОВАРИЩУ, ТОЛЬКО **ТОГДА** ВЫ УЗНАЕТЕ -
НО НЕ СЕЙЧАС!, - ПОЧЕМУ МОЛОЧНИК
БОИТСЯ РАССВЕТА.

БЛАГОДАРИУ
ЗА ВАШЕ
ДОЛГОТЕРПЕНИЕ.
ЕСЛИ У КОГО-ТО
ИМЕЮТСЯ КНИГИ,
КОТОРЫЕ Я МОГУ
ОСКВЕРНИТЬ СВОЕЙ
ПОДПИСЬЮ, ПРОШУ,
НЕСИТЕ ИХ
СЮДА...

ХА-ХА-ХА!
БРАВО!

БИС!

...ДАВНО НЕ ВИДЕЛ
ЭТОГО ИЗДАНИЯ.
СПАСИБО ЗА
ПОСЕЩЕНИЕ.

НЕТ,
ВАМ СПАСИБО.
СОВЕРШЕННО
ОБВОРОЖИ-
ТЕЛЬНО...

...ГЛУПОСТЕЙ, АЛИСА!
ЕСЛИ ХОЧЕШЬ **АВТОГРАФА**,
СКОРЕЕ ВЫХОДИ И ПРОСИ ЕГО!

О, ТЕТЯ, РАЗВЕ Я **СМЕЮ?**
ОН СТОЛЬ ИМПОЗАНТНЫЙ МУЖЧИНА,
ЧТО Я ЕДВА ЛИ...

БЛЭК, ДРУГ МОЙ, ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ ИЗВИНИШЬ, Я ОТЛУЧУСЬ НА ПОИСКИ ВАТЕРКЛОЗЕТА.

ТАК, САРА, ВАШЕ ИМЯ ПИШЕТСЯ С БУКВОЙ «Н» ИЛИ ЖЕ БЕЗ?

ЧТЕНИЯ ДЛЯ СТАРИКА МОЕГО ВОЗРАСТА ЗАТЯНУЛИСЬ НАДОЛГО. МОГУ Я ПОЛОЖИТЬСЯ НА ТО, ЧТО ТЫ ДОЖДЕШЬСЯ МЕНЯ?

Э-Э... КОНЕЧНО. Я БУДУ ЗДЕСЬ.

...ПОЧЕМУ КУЗИНА АЛИСА ПОЗВОЛЯЕТ МОЕЙ МАТУШКЕ ЕЮ ПОМЫКАТЬ.

ТАК ЧТО, ВЫ С НЕЙ ТЕПЕРЬ ПАРА?

НИСКОЛЬКО НИ УДИВЛЕН, ЕСЛИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ КРУГАХ ХОДИТ ТАКАЯ МОЛВА, ЮНЫЙ ЛИ. ОТНЮДЬ НЕТ!

МНОГОУВАЖАЕМАЯ МИСС ГАМЛЕТ - ИСТОЧНИК УДОВОЛЬСТВИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СВОЙСТВА, НО НЕ РОМАНТИЧЕСКОГО, ЗАВЕРЯЮ ТЕБЯ.

АГА. НАВЕРНО, И Я ТОЖЕ НЕ БОЛЬШОЙ ЛЮБИТЕЛЬ ДЕВИЦ.

СЛУШАЙ, Я ДУМАЛ СХОДИТЬ К МАТЕРИ И АЛИСЕ, ПОГОВОРИТЬ С ЭТИМ ПИСАТЕЛЕМ. А ТЫ?

НЕТ. НЕТ, ПРЕДПОЧИТАЮ НАСЛАЖДАТЬСЯ ЛУЧАМИ НЕСОМНЕННОГО ВЕЛИЧИЯ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ИЗДАЛИ.

НО НЕ ХОЧУ ЗАНИМАТЬ ТВОИ МЫСЛИ. ИДИ ЖЕ...

Э-Э... Я, Э-Э, Я ВИЖУ, ВЫ НЕ ТОРОПИТЕСЬ ВЛИТЬСЯ В ЧИСЛО ОХОТНИКОВ ЗА РОСПИСЬЮ...

М-М?

О... НЕТ, БОЮСЬ, МНЕ ПРОТИВНО ПРЕСМЫКАНИЕ ПРЕД ТЕМИ, КОГО ПОЧИТАЕШЬ.

ЧТО ТАМ, САМ БЛАГОРОДНЫЙ ДАНСЕНИ В ТЕКСТЕ «СЛАВА И ПОЭТ» В АВГУСТОВСКОМ «АТЛАНТИКЕ» НЕ СКРЫВАЕТ ПРЕЗРЕНИЯ К ТЕМ, КТО РАССЫПАЕТСЯ В ЛЕСТИ ПЕРЕД ЛИТЕРАТУРНЫМИ КУМИРАМИ.

ЭМ-М... ДА. ДА, КОНЕЧНО. ОЧЕНЬ В-ВЕРНО.

ПРОШУ МЕНЯ ПРОСТИТЬ. Я СЕЙЧАС ПОЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ ДУРАКОМ...

ОТЧЕГО ЖЕ? ЕСЛИ ВЫ САМИ ИСКАЛИ ЕГО АВТОГРАФА, ТО НЕ ПРИНИМАЙТЕ МОЕ МНЕНИЕ НА СВОЙ СЧЕТ.

СЭР, Я ИЗВЕСТНЫЙ СВАРЛИВЫЙ СУХАРЬ. ПРОШУ НЕ ПРИДАВАТЬ СЕЙ БЕСЕДЕ ВЕЛИКОГО ЗНАЧЕНИЯ...

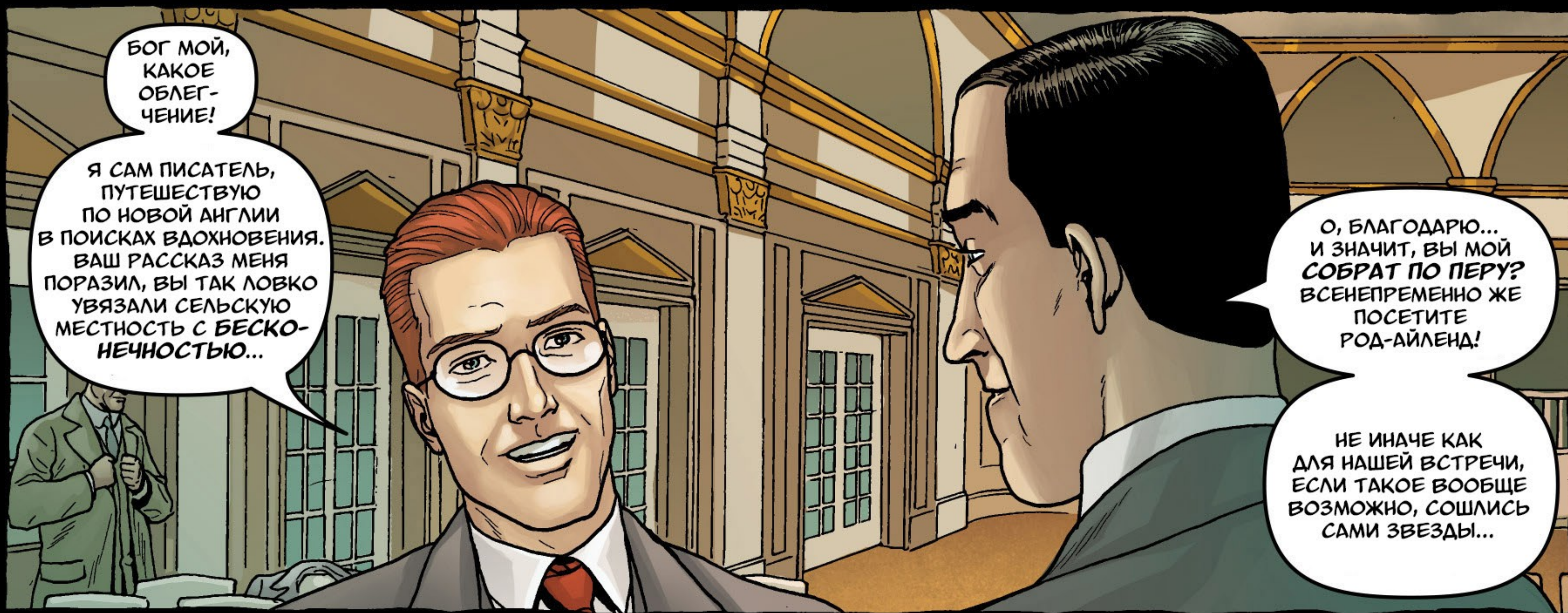
И-НЕТ... Я НЕ ХОТЕЛ ПОДПИСИ ДАНСЕНИ. ПРОСТО...

Я Ч-ЧИТАЛ РАССКАЗ В PINE CONES, И МОЙ ЗНАКОМЫЙ СКАЗАЛ, ЧТО ВЫ ЕГО АВТОР. НО Я ВАС ПОЙМУ, ЕСЛИ...

БОЖЕ! ДОРОГОЙ МОЙ, БЫТЬ МОЖЕТ, ПЛАНКЕТТ И ПРЕСЫЩЕН ЛЕСТЬЮ, НО МНЕ ЕЕ ВСЕГДА ТОЛЬКО МАЛО!

КАКАЯ СУДЬБОНОСНАЯ ВСТРЕЧА!

БОГ МОЙ,
КАКОЕ
ОБЛЕГ-
ЧЕНИЕ!

Я САМ ПИСАТЕЛЬ,
ПУТЕШЕСТВУЮ
ПО НОВОЙ АНГЛИИ
В ПОИСКАХ ВДОХНОВЕНИЯ.
ВАШ РАССКАЗ МЕНЯ
ПОРАЗИЛ, ВЫ ТАК ЛОВКО
УВЯЗАЛИ СЕЛЬСКУЮ
МЕСТНОСТЬ С БЕСКО-
НЕЧНОСТЬЮ...

О, БЛАГОДАРИЮ...
И ЗНАЧИТ, ВЫ МОЙ
СОБРАТ ПО ПЕРУ?
ВСЕНЕПРЕМЕННО ЖЕ
ПОСЕТИТЕ
РОД-АЙЛЕНД!

НЕ ИНАЧЕ КАК
ДЛЯ НАШЕЙ ВСТРЕЧИ,
ЕСЛИ ТАКОЕ ВООБЩЕ
ВОЗМОЖНО, СОШЛИСЬ
САМИ ЗВЕЗДЫ...

ЗНАЕТЕ,
Я ПОДУМЫВАЛ
ЗАЕХАТЬ В РОД-АЙЛЕНД.
ОЧЕНЬ ЩЕДРОЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Я РОБЕРТ
БЛЭК.

ПРИЯТНО С ВАМИ
ПОЗНАКОМИТЬСЯ, МИСТЕР БЛЭК.
ВЫ ВСЕГДА НАЙДЕТЕ МЕНЯ
НА ЭНДЖЕЛЛ-СТРИТ, 598,
В ПРОВИНЦИИ ПЛАНТАЦИЙ
ПРОВИДЕНС ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА.

ВАШ ПОКОРНЫЙ СЛУГА,
ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ.

Мой собственный опыт не дает мне усомниться в том, что человек, отпуская земное сознание, в самом деле приобщается иной, бестелесной жизни...

...решительно иной природы, нежели ведомая нам жизнь, и о коей по пробуждении сохраняются лишь самые расплывчатые воспоминания.

По этим размытым и обрывистым фрагментам мы многое можем пронизать, но самое малое — обосновать.

Слагается впечатление, что во сновидениях жизнь, материя и энергия, как они известны всей земле, необязательно непрерывны...

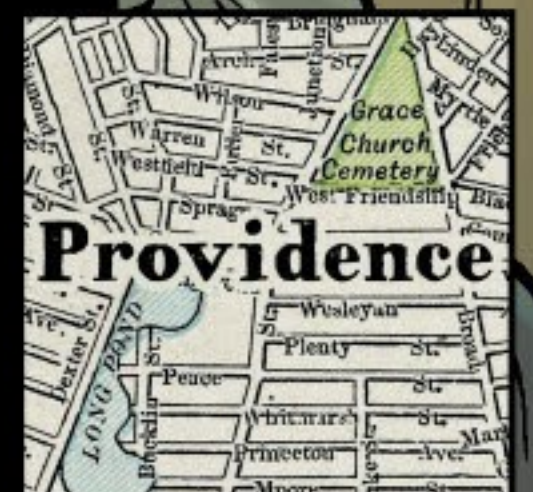
...и что время и пространство не существуют в виде, близком нашему роду наяву.

Иногда я верю, что эта не столь материальная жизнь и есть истинная...

...и что наше ничемное пребывание на земноводной планете — лишь второстепенный или даже мнимый феномен.

24 сентября

Вот уже и среда. Надо было бы взяться за перо раньше, но, сказать по правде, я слишком наслаждался жизнью, чтобы беспокоиться о таких тривиальностях, как самодисциплина и будущая карьера писателя. Похоже, наконец-то надежды и предсказания нового поворота в судьбе оправдались, и только сейчас я понимаю, что уже три дня креду ни разу не вспоминал о Лили или о жутких и нелепых галлюцинациях в Манчестере. Не знаю, чем именно помогла мне гипнотическая психиатрия, любезно предложенная Ронни Питманом, но она определенно пошла на пользу! А может быть, дело в полезном совете Ронни попробовать связаться с коллегой-писателем с немалым опытом в исследованиях «мира снов», но в любом случае мне ныне так хорошо, как не было за месяцы, а то и годы. И нет, причина моего состояния относительного ликования — не любовь к очередной прелестной и пустоголовой рецепционистке, как в Атоле, — «Вандал» бесподобный отель, но о его персонале это сказать можно только с натяжкой, по крайней мере, на мой вкус, — и более того, моя романтическая жизнь — единственный элемент общей ситуации, что вызывает фрустрацию и протекает менее чем удовлетворительно. Но это на данный момент пустяк по сравнению с моим растущим уважением к выдающемуся м-ру Рэндаллу Карверу и плодородному, обильному ландшафту американского воображения, с которым он меня познакомил.

Начнем с начала. После весьма сносного воскресенья в отеле, когда я не занимался решительно ничем, утром понедельника я совершил долгую прогулку на Эф-стрит и позвонил в дверь номера 58, где меня уже ждал расслабленный и дружелюбный Рэндалл Карвер. Настороженность и недоумение, которые я почувствовал при первой встрече два дня назад, совершенно улетучились и, если подумать, были не более чем следствием того, что на его пороге без объявления возник незнакомец, желающий-де побеседовать о загадках Новой Англии. В этот же раз, забегая уведомленный о моем визите, Карвер показал себя гостеприимным хозяином. Он пригласил меня в обаятельно архаичное здание, которое величает своим домом, и не успел я подивиться

элегантной, хотя и сдержанной обстановке интерьера, как он проводил меня в свой кабинет, после чего я и думать забыл о прогнанных гудесах. Это действительно изумительное место, и меня немедленно охватила жгучая зависть. Вот кабинет настоящего писателя и знатока литературы, и я там же на месте принял решение, что, как только в моем распоряжении окажутся достаточные средства и зачатки хорошего вкуса, чтобы обустроить собственное рабочее место, я буду стремиться к этому недостижимому образцу. Везде полки и шкафы, от пола до потолка и заставленные как будто всеми стоящими в мире знаниями. Целая стена посвящена великим авторам классической античности, таким как Плиний и Аристофан; имена мне знакомы и, заслушав их в беседе, я могу кивнуть с мудрым видом, но их труды я не забегая протест из заблуждения, что они окажутся слишком пыльными, сухими и скучными. При виде же коллекции Карвера — кладезя мудрости истинного исследователя — я почувствовал себя еще более поверхностным и недалеким, чем обычно. Другие его книги — не считая шеренгу томов на тему мистицизма и восточной философии и впечатляющей подборки поэтов, художников и авторов времен fin de siècle, которые я поклялся однажды заполучить, — посрамили меня того больше, ведь я даже не слышал о таких авторах, хотя не сомневаюсь, что должен был. Любая поверхность, не занятая книгами, несла на себе великое множество статуэток восточных богов, и всюду в глаза бросались интереснейшие оккультные артефакты любого сорта. Это святилище заряжено ощущениями и атмосферой, словно физическое окружение — дистиллят интеллекта и характера Карвера, и это чувство только усиливала душистая дымка благовоний, висящая в верхних пределах, словно занавес из тумана. Помню, как читал одну англичанку конца XIX века — наверняка кого-нибудь из Блумсбери, — которая описала свой любимый декор словами «зелень и идолы», и кабинет Карвера отвечал этому описанию в совершенстве.

Мы сели в старомодные кресла и проговорили час напролет — вернее, говорил по большей части Рэндалл, а я лишь слушал, охваченный благоговейным полтением, потрясенный исключительной широтой его знаний

и опыта. Карвер где-то на двадцать лет старше меня - ему около пятидесяти, - однако он прожил жизнь, с которой такие как я могут только мечтать, в том числе упомянул вскользь срок службы во французском Иностранном легионе. Однако примечательной фигурой его делает не столько то, где он побывал и чем занимался, сколько объемы прочитанного и россыпи фантастических рассказов и поэм за его авторством. Наш продолжительный разговор в первый день, прерванный только ненадолго по настоянию Карвера, чтобы угостить меня обедом, стал настоящим уроком литературы, причем литературы фантастической. Ему известны азы готического романа, от «Отранто» до «Мельмота», а перед обширными познаниями недавних мастеров сверхъестественной прозы, наподобие М. Р. Джеймса и Эдгернона Блэквуда - на которых, признаться, я мало обращал внимания, - я снимаю шляпу. Когда же я спросил его о собственном творчестве, он впал в обаятельную самокритику и пренебрежение, заявляя, что оно не имеет никакого значения, выражаясь всего лишь в папке тонких изданий ограниченного тиража его стихов в прозе и некоторых вещей, опубликованных некой Ассоциацией любительской прессы. Стыдно признаться, что я даже не слышал этого названия, но я не стал просить Карвера углубляться в детали из страха прослыть невеждой - впрочем, к этому времени разговор перешел к более интригующей плоскости благодаря проворному и текучему интеллекту Карвера и широкому ассортименту тем, к которым он проявляет интерес и глубочайшие познания. Очевидно, он меня категорически покори. Пожалуй, если взглянуть с психологической точки зрения, можно сказать, что из-за разницы в возрасте мне хочется принять Карвера на авторитетную интеллектуальную роль - луткого и налитанного отца, которого у меня не было, - что только утвердило зародившуюся искреннюю дружбу. Не знаю, что почерпнул из нашей беседы сам Карвер, но в конце концов я пришел к выводу, что в Бостоне поблизости у него не так много друзей, разделяющих столь возвышенные интересы. Возможно, я себя обманываю, но у меня сложилось впечатление, что он получал искреннее удовольствие от нашего разговора не меньше моего, - возможно, ему нравится восприимчивая

и благодарная публика, которой можно продемонстрировать обширные тайные знания. Так или иначе, ему пришлось по душе наша встреча, поскольку он едва ли не приказал мне явиться на следующий день, чтобы продолжить познавательный и добросердечный диспут («познавательный и добросердечный диспут» — похоже, я так увлекся Рэндаллом, что начинаю имитировать его старомодные обороты и маньеризмы. Придется приложить серьезные усилия, чтобы это прекратить). Вторник мы провели в бесперебойном разговоре в том же духе, что и понедельник, за той лишь разницей, что Карвер одолжил мне на дорогу пару образцов своего творчества и объяснил, что не сможет повидаться со мной до следующей недели ввиду редкой вылазки за город для посещения знакомого в Вермонте. Тем не менее он заверял меня, что наслаждался нашими беседами, и попросил обязательно навестить его резиденцию, когда он вернется в Бостон, что я тотчас обещался исполнить.

Большую часть дня я провел, просто сидя в номере «Вандома» за чтением рассказов и стихов в прозе Рэндалла. Должен сказать, что, хотя язык порой звучит для моего неподготовленного уха несколько натужно и выскопарно — и я не смею углубляться далее в критику писателя, так далеко ушедшего от меня вперед по литературной тропе, — от самого напора изобретательности и воображения захватывает дух. Одну из опубликованных частным порядком книг — длинный рассказ или, пожалуй, повесть, озаглавленную «Сумеречная одиссея», — я отложил как раз перед тем, как взяться за перо и внести просрогенную запись в тетрадь для заметок. Это длинное сновидческое повествование, «блуждающее» в самом лучшем смысле этого слова, действие которого разворачивается в неисследованном регионе Конго, где порывистый и довольно нахитанный исследователь, напоминающий самого Карвера, путешествует на маленьком плоту по жуткой реке, «которой не существует, если верить многочисленным картографам региона, либо же намеренно устраненной из их ~~карт~~ карт из-за чувств ужаса и ответственности». Полагаю, жанр смело можно назвать приключенческой пикареской: герой сплавляется по реке от одного странного и сюрреалистического края к другому, и его необыкновенные встречи мало связаны

друг с другом, объединенные лишь тонкой нитью повествования о нескончаемом путешествии. При этом некоторые идеи и образы, которые подобный прием позволяет Карверу включить в текст, действительно удивительны. Например, там есть часть, где протагонист истории достигает стрезка реки, населенного существами, сделанными из музыки - звуков такой сложности, что они проявляются в виде сияющей и сверкающей материи, обладающей разумом: «огромные подобиа арахнидов или же пленистоногих, словно их выдули из цветного стекла, цуपालыца - тонкий плач скрипок, многогранные панцири - неукротимое золото труб». В другом месте Карвер дарит на суд читателя огромных плотоядных птиц с головами прекрасных женщин, увенганными тиарами, в краю, где само время можно переждать во что-то вроде бренди и где путешественнику встречается, можно так выразиться, «обгородом»: когда он вынужден переждать лунную ночь под кровом удаленного и аскетичного особняка, где происходит столько опасных и странных событий, что он ретируется на улицу, «дремать под мягким шепотом папоротника», только чтобы наутро обнаружить, что дом пропал, а на месте его остался старик могучего сложения и злобного вида, который признается, что он при лунном свете и превращается в грозное проклятое здание. Как я уже сказал, воображение Карвера ошеломляет, а в его прозе часто находится место и игривому чувству юмора. Даже в самых мрачных пассажах «Сумеречной одиссеи» не пропадает ощущение, что все это несоборазная басня, предназначенная для того, чтобы и развлечь, и увлечь безудного читателя.

Достаточно будет сказать, что после знакомства с творчеством Карвера отсутствие на страницах этой тетради идей для рассказов достойно презрения, и я принял твердое решение несколько дней вести себя, как приличествует гостю в намерениях писателя, закусив удила и приступив к собственным творческим потугам. Но не сегодня - потому что, если честно, я все еще чувствую себя несколько утомленным и хрупким, (наверное, после перенапряжения воображения в последние недели), - но даю слово, что скоро. Лучше проглотить на сон грядущий пару стихов Карвера покороче, и посмотрим, какое вдохновение они принесут.

28 сентября

В последние дни меня носит по Бостону, я ничего не делаю, но притворяюсь перед собой, что занят «поиском идей». Выдумал парочку фантастических концепций, но они такие очевидные бледные пародии на прозу Карвера, что я пристыжено их откинул. (Пример: «Страна, где деревья сделаны из математики». Да я даже не знаю, что это значит). Как ни странно, после продолжительного сна прошлой ночи во мне зародилась какая-то мысль, или по крайней мере несколько достаточно красивых образов, стоящих того, чтобы их записать, хотя, по иронии, они и близко не похожи на те грезоподобные фантазии, мастерством которых я пытаюсь овладеть в последние дни. Более того, начинается сон в Милуоки, на бедных улицах которого я играл в детстве, настолько далеких от сиятельных и забытых городов Рэндалла вроде Лилиллата или Громвержной Кадамбруи, насколько только возможно. Кажется, во сне я был ребенком, по крайней мере в начале, хотя ближе к концу все переменялось и я стал своего нынешнего возраста. Сперва мне было десять или одиннадцать, я играл в бейсбол с другими детьми из квартала. Меня отвел в сторонку один из мальчишек — по-моему, либо Чак Джонсон, либо его младший брат Пит, а может, их собирательный образ, — и сказал, что у него для меня весточка «от одного человека», который с нетерпением ждет меня «на старом мосту через реку». Это послание сопровождалось двусмысленной мальчишеской ухмылкой, предполагавшей, что randevu предстит романтического свойства. Я спросил, какой мост он имеет в виду, и в ответ он показал на массивную постройку в дальнем конце улицы, которая на расстоянии казалась ни много ни мало Бруклинским мостом, переместившимся в Милуоки. Я отправился в путь с легкой тревогой, словно прийти на мост было монументально важно, но мне не понравится то, что меня там ждет. Хотя поначалу маршрут казался прямолинейным, я постоянно блуждал, а однажды обнаружил, что прохожу мимо офиса «Геральда» на противоположной стороне улицы. Уверен, к этому времени во сне я уже вырос. Я походя бросил взгляд на верхние окна здания и увидел,

что на меня сверху смотрит с грустным видом Фредди Дикс. Он достал из кармана фляжку и поднял в мою сторону, словно в каком-то тосте, все еще с удрученным видом. Помню, как подумал, какая же добрая и светлая душа этот Дикс, тогда как, естественно, наяву я его терпеть не могу. Так или иначе, я продолжал путь, но, когда снова завидел мост, он был уже куда меньше и совсем другой формы - скорее плоское и незамысловатое сооружение, какие встречаются в Салеме и Атоле. Тем не менее я не остановился, и у меня остается впечатление, что по пути имели место и другие происшествия, выскользнувшие из памяти, - что-то с молодым человеком в спрятанной одежде с ярко-желтым шейным платком, натянутым до самого носа, - но в конце концов я попал на мост и обнаружил, что он снова перевернулся и теперь напоминает длинный пролет в Манчестере через Мерримэк, который я перешел, впервые пустившись в путь из колледжа святого Ансельма к Водпадам Гоффа. На мосту бурлило настоящее столпотворение, с берега на берег сновали люди, но в самом центре у перил я увидел кого-то совершенно неподвижного, не считая мгновения, когда он будто рассыпал свадебные конфетти на воды реки, и тут я с содроганием понял, что это Лили. Меня моментально охватила уверенность, что новости о смерти, о самоубийстве, были только ошибкой, относились к другому человеку. На меня нахлынуло облегчение, и, ругая самого себя за бесконечные самоистязания, я бросился на мост, только чтобы мгновенно потерять Лили из виду в гуще людей с противоположной стороны. Они и сами представляли запоминающееся зрелище: были в их числе и м-р Орн с м-ром Энсли, с которыми я мельком познакомился в Салеме, - хотя почему они вспомнились столько месяцев спустя, загадка, но на то они и сны, - а самым неуместным персонажем оказался негритенок, одетый в детский смокинг и попыхивающий броской гигантской сигарой. Боюсь даже подумать, что бы на это сказал профессор Фрейд! Я заторопился, но, когда в следующий раз уловил край глаза Лили у перил, осознал, что ошибся: это был человек среднего возраста со сломленным видом и, кажется, высохшей рукой, и рассыпал он не конфетти, а рвал страницы книги, пуская клочки по ветру над бегущей Мерримэк. Врезалась в память одна деталь: весь текст

на трепещущих страницах был фиолетовым, из-за чего я заключил, что это декадентская работа, наверняка «Sous le monde» Клода Гуйо. С другой стороны места все еще шли люди (включая, как ни забавно, человека, которого я тут же принял за бедного старого Амброза Бирса), и печальный мужчина скрылся из виду в оживленной толпе. Когда я увидал его в третий раз, он уже был другим человеком — более того, даже другого пола. На его месте стояла голая женщина, спокойная и нисколько не смущенная прилюдным обнажением, примерно как фигуры на картинах Дельво, за тем исключением, что в ее глазах стояло куда более серьезное и даже злобное выражение, а еще она раздалась на последних месяцах беременности. Когда я приблизился, она пронзила меня взглядом, и вдруг на всем месте не стало никого, кроме нас с ней. Благодаря необъяснимой логике снова я знал, что потому-то Чак-или-Пит Джонсон и усмехался: эта бесстыдная женщина собиралась обвинить меня в ступорстве. За моей спиной, вне моего ведома против меня плели сложную и невозможную стратегию, какой-то заговор, чтобы заманить прямоком на это место, и с ледяной душой уверенностью я понял, что слепо вошел в невероятную и лудовицкую ловушку. Женщина по-прежнему многозначительно смотрела на меня, и тогда я решил, что самым безопасным курсом действий будет пройти мимо, словно я ее не знаю — впрочем, я ее и вправду не знал. Я заметил, что вместо конфетти или клочков издания Клода Гуйо, Жориса Карла Гюисманса или Теофиля Готье беременная женщина держала под мышкой у выпирающего живота невредимую копию «Книги Хали». Я прошел дальше, уговаривая себя не смотреть на нее и не подавать виду, будто я ее узнаю, и тут она заговорила со мной. Она сказала: «По-моему, однажды я жила в том же самом отеле, что и ты, с тем же самым видом из окна». Когда она договаривала, я уже был далеко, но я понял, что это очередной штрих плана заставить меня поверить, будто она носит моего ребенка, через намек, что однажды мы ночевали в одном номере. Подумав, что стоит возразить хотя бы на это безосновательное заявление, я остановился и оглянулся. И при этом я запоздало понял, что уже стоял на другой стороне места и что мест в очередной раз преобразился.

Теперь от одного конца до другого проход занимал всего пару ярдов, а вместо бурной Мерримэк под изящным мостиком журчал узкий ручеек. Беременная женщина также исчезла, вновь уступив Мили, и я тут же почувствовал укол вины, что прошел мимо нее, притворившись, будто она мне незнакома. Мили, снова разбрасывая над водой конфетти, взглянула на меня с тем же печальным и жалостливым выражением заботы, что я видел у Фредди Дикса, и сказала: «Знаешь, на той стороне моста всегда новый мир». По какой-то необъяснимой причине я, подгинаясь резкому сна, понял в приступе отчаяния и испуга, что это значит, будто, перейдя мост, я уже предопределил свою судьбу, и если просто обернусь и взгляну на «новый мир», ожидающий на этой стороне, то не увижу ничего, кроме своей верной гибели и исчезновения. Я уже готов был обернуться с бесформенным и острым предчувствием того, что увижу, как проснулся и обнаружил, что за окном «Вандома» стоит приятное воскресное утро, а я окружен своими проблами подражаний карверовским ~~барочным~~ барочным повествованием о грезах.

Даже целиком расписав вышеприведенный кошмар, я не могу понять, что же меня так крепко проняло в этой ночной гонимости или с чего я взял, что это тем-то поможет заглянуть истории. Самым сильным моментом во всем сне по причинам, которые я не могу передать словами, был лишь центральный символ самого моста, это сооружение — думаю, уместным словом будет «порог», — существующее на размытых пределах двух миров и соединяющее их между собой. Сейчас, когда я пытаю пересказать выше, я вижу не идею, из которой возможно вывести витиеватую фантазию о снах, а сильную центральную метафору или мотив для книги «Марблхед». Осталось только серьезно за нее засесть. Возможно, следующие дни до возвращения Рэндалла я уделю для серьезных размышлений о том, как ее выстроить, а также продумаю персонажей, сюжет и все остальное на основе, стыдно признаться, не более чем пары страниц герновиков и неопределенных туманных идей о фольклоре и народе Новой Англии. Посмотрим, добьются ли я чего-то или же все скажется только пустой болтовней и возвышенными умищованиями, тем у меня всегда все и заканчивается.

3 октября

Как видите, все, как всегда, закончилось пустой болтовней, но этот факт слегка сглаживается благодаря тому, что вчера вернулся Рэндалл. Сегодня я весь день провел с ним, и он сказал, что будет только рад, если я навещу его завтра. Наш разговор полнился интересными фактами, экзотическими байками и доселе неизвестными именами авторов и вызвал самые теплые чувства, так что я даже не смогу его здесь изложить. Следующую неделю или две я намерен как можно больше времени проводить на Эф-стрит, но, надеюсь, это не выльется в очередные перерывы в моем обращении к тетради.

17 октября

Немного же стоит мое слово. Единственная причина, почему я нашел время нагеркать и эту пару строк, — сегодня вечер пятницы, и я только что вернулся после очередного дня у Рэндалла (который одолжил в свете моего энтузиазма несколько публикаций Ассоциации любительской прессы, о которых говорил), а на выходные он занят другими делами, хотя и настаивает, чтобы я без промедления приходил к нему утром понедельника, когда он наконец раскроет некоторые любопытные техники сновидения, о которых столько рассказывал. А также на прошлой неделе Рэндалл упомянул о скором госте Бостона — не меньше чем ирландском дворянине по имени лорд Дансени, авторе, о котором Рэндалл говорит как о главном источнике влияния на его собственное творчество. Оказывается, тот выступит в понедельник вечером в отеле «Плаза» — удобно, что от него рукой подать до «Вандома», — и похоже, что Карвер раздобыл нам общие билеты на мероприятие. Понедельник обещает быть насыщенным днем, и, надеюсь, тогда я смогу перебороть лень и написать больше.

20 октября

Я буквально сражен, в голове ревет такой поток идей и мыслей, что я робю их записывать — вдруг они скажутся невнятной глупостью, ведь сейчас я чувствую себя более обычного невнятным и глупым. Очевидно,

самым лучшим будет начать с начала - или, по крайней мере, с момента, на котором я остановился прошлым вечером пятницы, когда заперся в одиночестве в «Вандале» в предвкушении наслаждения несколькими тонкими брошюрами, одобженными Рэндаллом в качестве примеров любительских публикаций, существование которых прежде было для меня тайной. И они стали откровением - как выпуски The Irregular с рассказами Рэндалла, так и единственный выпуск издания под названием Pine Cone, в котором я и повежу рассказ. Вкратце кажется, что Ассоциация любительской прессы, как логично следует из названия, ассоциация нескольких авторов-энтузиастов (а вернее, двух или трех ассоциаций, состоящих в дружественной, а иногда не столь дружественной конкуренции), любителей - в том смысле, что пишут они из листовой любви к писательству, - регулярно печатает на мимеографе образцы их творчества, которые затем циркулируют среди других членов группы во взаимному одобрению. Качество текстов, разумеется, скажет, но сам пыл и энергия этих энтузиастов заражают вдохновением и упоением. Как я жалею, что ничего подобного не было в Милуоки - а если было, как я жалею, что об этом не знал. Начну с The Irregular: он длиной в шестнадцать страниц и отпечатан яркой лиловой краской, слабо пахнущей спиртом для растирки, неким Ф. Чарльзом Макаллистером, который проживает где-то здесь, в Бостоне (и который, как я позже узнал, всего семнадцати лет от роду!) Судя по всему, The Irregular относительно нов, и из-за относительно невыдающегося содержания еще не заслужил признания, даже в рядах любителей. Повстретав юного издателя на каком-то местном мероприятии, Рэндалл сжалился и пообещал облагородить страницы журнала парой текстов - как он сказал, «пустяков», - еще не вышедших в печать. Первый (и на мой взгляд слабейший) из них дебютирует во втором выпуске лилового издания от ноября прошлого года. Он называется «Миг вечной красоты и радости» и повествует об старователном молодом человеке из Древней Греции, который в тицславии ищет женщину, способную сравниться с ним милосвидностью, когда узнает, что в далекой стране живет красивейшая из трех сестер и что никто из видевших ее не мог

найти изъяна в ее великолепии. Наконец достигнув назначенного места, этот продолжатель дела Нарцисса находит тертоги, переполненные изящными и мастерскими статуями, причем по большей части в виде мужчин исключительной красоты, подобная ему самому. Концовка рассказа - которая, по-моему, становится очевидной из-за раннего описания почти сверхъестественной детальной внешности статуй, - в том, что три сестры - мифологические горгоны, а красивейшая из них - Медуза (признаться, я уже успел забыть, что она превращала мужчин в камень именно своей выдающейся красотой), что и объясняет все эти реалистичные скульптуры, ряды которых, разумеется, пополняет и протагонист. Стиль замечательный, как всегда в работах Рэндалла, но я уже сказал, что в остальном рассказ показался мне проходным и предсказуемым. Куда лучше (и куда более оригинальным) оказался текст Рэндалла «Ползущий в облаках» в третьей публикации The Imaginar, вышедшей в апреле этого года, об альпинисте, исследующем высочайшие пики мира, которого вдруг поглощает странное студенистое и сияющее существо, обитающее в верхних слоях нашей атмосферы. Однако его не подают, как сперва ожидает герой вместе с читателем: он становится какой-то важной частью или компонентой этого странного эфирного гудвиша, необходимой для успешной навигации; почти автопилотом, хотя и органического свойства. Самая пугающая и поразительная сторона рассказа - гудесные описания обостренного восприятия и новых ощущений героя, летящего на скалоподобной колеснице сквозь ледяную стратосферу. На мой взгляд, это лучший образчик прозы Рэндалла, что я читал, но, должен признать, он бледнеет в сравнении с примечательным рассказом другого любителя, который я обнаружил в куда более люцитовых Pine Cones.

Тем же методами производства, что и детский и полный опечаток Imaginar, Pine Cones выпускается неким Джоном Клинтонном Прайором, который кажется куда более зрелым и разборчивым редактором, чем юный Ф. Чарльз Макаллистер. Журнал любопытный, поскольку он в целом на несколько порядков выше качеством, чем The Imaginar (за исключением прозы Рэндалла),

но главное его достижение - рассказ, не похожий ни на что мною виденное, под названием «За стеной сна» и написанный заслуживающим внимания автором по имени Г. Ф. Лавкрафт. Это пугающая и тревожная история о нечеловеческой и мужиковатой деревенщине из Кэтскилла по имени Джо Слейтер, который сошел с ума и загремел в лечебницу за убийство. В развязке истории выясняется (если я все понял правильно), что разумом этого жестокого негодяя завладело или управляло непостижимое сознание далекой взорвавшейся звезды. За одну только сногшибательную идею, что звезды могут быть существами с разумом и сознанием, рассказ заслуживает считаться одним из самых восхитительных и оригинальных, что мне попадались, а если кажется, что я без меры потю дифирамбы проходящему литературному увлечению, то смею заверить, что причина тому будет понятна к концу записи.

Все выходные перечитывая рассказ м-ра Лавкрафта, этим утром я встал раньше обычного и отправился в долгий путь до дома Рэндалла на Эф-стрит с энергией, которую давно за собой не помню. Он любезно приветствовал меня, облаченный в феску и турецкие тапочки с загибающимися носками, которые, как я теперь знаю, он втайне любит, но без стыда может носить только в компании доверенных отобранных знакомых, так что я благодарен за эту особую гостю. После того как я был вынужден поздороваться с обожавшим и, уверен, изнеженным котом Рэндалла Черным Самбо, мы приступили к очередному всеохватному диалогу. В этот раз мы затронули Stella Sapientia, о которых Рэндалл знает немало, хотя ни разу не чувствовал ни малейшего искушения вступить в их ряды, будучи, как он выразился, человеком «некомпанийским», а в конце концов добрались и до его «Ползущего в облаках», и, к моей вящей радости, до рассказа Лавкрафта. Рэндалл раскрыл мне некоторые подробности из своей жизни, в том числе о сравнительно привилегированном воспитании (у его семьи был слуга Элайджа, о котором он до сих пор вспоминает с теплом) в селе под Манчестером под опекой тети и дяди из-за ранней смерти зажиточных бостонских родителей. Когда он говорил о детстве, я слышал в его

невыносимую ностальгическую тоску по утраченному времени, необычно язвильную и контрастировавшую с вальяжным, манерным и порой шутовским поведением Рэндалла, которое словно основано на повадках Оскара Уайльда, хотя и, насколько я вижу, без других уайльдовских склонностей в придачу.

Одной из главных тем стала важная роль снов в жизни Карвера, с самого его мальчишеского представления, что сны происходят в другом мире с собственной изменчивой географией. Он поведал мне леденящую кровь историю о друге по имени Харви Уорнер, который пропал при исследовании подземный кладбища во Флориде, — Рэндалл как будто до сих пор сомневается, явью или сном было это событие. От этого разговора мы перешли к конкретным техникам, посредством которых Рэндалл входит в состояние сновидения, одновременно оставаясь в сознании, — что-то в этом роде мне пытался продемонстрировать Рэнни Питман в качестве примера методов Stella Sapientia. Метод Рэндалла, однако, требует какого-то самогипноза, алгоритм которого кажется куда понятней и рациональней, чем трюк со «спуском в подвал», с которым меня познакомил Рэнни Питман и который я до сих пор не разгадал до конца. Но для метода авторства Рэндалла требуется всего лишь закрыть глаза, а потом просто с усилием представлять, как спускаемся по высокой лестнице в глубины подсознания, без всякой необходимости повторять эти действия в материальной реальности, как у Рэнни. Рэндалл именует свою технику «семь сотен ступеней в глубокий сон», и именно столько шагов предстоит сделать в мыслях, чтобы во всех красках увидеть мир сновидений, описываемый в рассказах Карвера. Опыт был выдающийся, такой же цветастый и фантастичный, как карверовские истории, и уж точно непохожий ни на что виденное мной во сне. Мы странствовали по жутким пейзажам с необычными обитателями, а в кульминации приключения надо было только открыть глаза, чтобы моментально вернуться в надушенный благоуханием кабинет Карвера, где мне напомнили, что этим вечером нам предстоит посетить бостонский отель «Глаза» и чтения великого литературного кумира Карвера — лорда Дансени.

По пути туда через темнеющие бостонские улицы, которые до сих пор патрулирует Национальная гвардия ввиду полицейской забастовки, имел место неожиданный инцидент, когда мы наткнулись не на кого иного как на Тектора Нортона и его близкого друга Джеймса Монтегю. Сейчас я говорю себе, что стоило бы держаться в уме, в каком направлении торопливо покидала Манчестер пара, когда я видел ее в последний раз, а так наша новая встреча обернулась шоком. Не таким шокom, впрочем, как для Тектора Нортона. Бедняга — некогда самовлюбленный и самоуверенный — словно помешался от испуга, когда завидел меня, и начал бестолково лепетать, будто я кого-то веду к нему, а ровно перед тем, как его забрал раздраженный Монтегю, мне показалось, я услышал фразу «шорох в земле», что бы это ни значило. Мы продолжили путь к «Плазе», где и началось главное событие вечера.

Едва мы нашли свои места, как нам формально представили Дансени, и Боже мой, что за мужчина! Военный герой и ирландский великан с самым упорительным акцентом, что мне доводилось слышать, с голосом, что завивается у самых ушей, словно древесный дым, в сравнении с которым даже ласковая интонация Тома Мэлоуна звучит легковесно и обиходно, если говорить о глубине и резонансе. Дансени как раз разогревался для чтения превосходной пьесы «Враги королевы», когда Карвер привел меня в восторг замечанием, что всего в нескольких рядах перед нами заметил не иначе как самого Г. Ф. Лавкрафта, с которым я отзывался ранее в превосходных степенях. Не в силах поверить своей удаче, большую часть великолепного выступления лорда Дансени я буравил взглядом затылок Лавкрафта, пытаюсь вообразить себе всего человека по этому ограниченному виду. Несмотря на старомодное поведение, с превеликим удивлением я обнаружил, что он выглядит ненамного старше меня самого, хотя по стилю его прозы я почему-то ожидал человека полвековых лет. Он сидел с молодой женщиной и пожилой дамой, которую я принял за эскорт пары, а также молодым мальчиком с весьма скучающим видом. Дансени же перешел от мрачной истории о расправе королевы с воображаемыми врагами к ~~у~~ демонстрации всеохватности своих интересов к комичной зарисовке

«Почему молотник бьется рассвета». Когда чтение закончилось и Дансени принялся подписывать на сцене актового зала книги почитателей, во время одного из визитов Рэндалла в уборную, я собрал в кулак крохи смелости и отважно приблизился к Лавкрафту, неуверенно попытавшись увлечь его беседой. Забавно: сперва он ответил мне холодно, будто я заговорил со строгим престарелым учителем, но стоило пробормотать в смущении, что мне понравился его рассказ, как он словно загорелся увлечением и энтузиазмом почти детского свойства. Он действительно один из самых интересных людей, что я встречал, его речь и манеры проникнуты архаической наигранностью, словно он не по годам развитый школьник, в шутку разыгрывающий взрослого. За пару минут до возвращения Рэндалла из уборной мы с Лавкрафтом установили такой раппорт, что он просил навестить его в родном городе в Род-Айленде, когда я закончу с делами в Бостоне, — и полагаю, этот момент наступит скорее, чем я полагал. Переглотывая написанное, со стыдом вижу, как сильно мне вскружил голову этот человек, но в момент нашего общения я верил всей душой, что отыскал гениального писателя, а задне и ключ ко всему своему путешествию по Новой Англии в поисках карьеры настоящего автора. Мы простились, пришел Рэндалл и все устремились в бостонскую ночь — при этом в моем возбужденном и натруженном разуме все еще отдавались звучные и пробирающие фразы из «За стеной сна». Мне поистине кажется, словно мои скитания наконец привели к единственно верной цели. Привели меня к Провиденсу.

Map showing Providence, Rhode Island, and surrounding areas. Key locations include Providence, Cranston, Fairview, West Elmwood, and Merino Village. Major roads and landmarks are labeled, including the Providence River, Roger Williams Park, Narragansett Park, and various streets like Washington Ave, Elmwood Ave, and the city grid.

«В 7:00 компания в составе мисс Г., ее тетушки, молодого Ли и Л. Теобальда отправилась на великое событие.

Заблаговременно прибыв в «Копли-Плаза», мы заняли места в первых рядах, так что во время лекции я сидел прямо напротив выступающего, всего в десяти футах.

Дансени начал с опозданием, его сопровождал и представил проф. Джордж Бейкер из Гарварда».

В письме Рейнхардту Кляйнеру,
9 ноября 1919